

ВИКТОРИЯ КОЖУХОВА
ЕКАТЕРИНА ДИБРИВСКАЯ

РАЗВОД

Педи для мужа

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Виктория Кожухова

Развод. Леди для мужлана

<https://litres.ru/74207133>

Аннотация

– Вы просто отвратительный мужлан! – презрительно фыркаю я. – Что, не любишь, когда тебе правду в лицо говорят? – с усмешкой он надвигается на меня. Пока не припирает к стене, нависая сверху. – Ох, леди, завязывай со своими городскими замашками. В чужой монастырь со своим уставом не ходят. – Да ваши деревенские просто дикие! Совсем ничего не понимают! – А ты, значит, понимаешь? – снова усмехается он мне в лицо. – По-понимаю, – неожиданно смущаюсь я. – Да ни черта ты не понимаешь, леди! – выдыхает он. И накрывает мои губы губами. После известия, что муж нашёл другую, я села в арендованную машину и укатила, куда глаза глядят. Но машина сломалась посреди лесной дороги, где на выручку пришёл Он. Грубый, неотёсанный мужлан. Настоящий неандерталец. Но лишь ему одному удаётся видеть меня настоящую. История о Соне.

Историю об Антоне и Алисе можно прочесть здесь: наши романы: Развод. Не могу сказать “прощай” – Бывшие. По осколкам наших судеб – Развод. Заставь меня влюбиться снова – - Бывшие. Теперь ты (не) моя –

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	33
Глава 4	42
Глава 5	73
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Глава 1

Аннотация к книге "Развод. Леди для мужлана"

– Вы просто отвратительный мужлан! – презрительно фыркая я.
 – Что, не любишь, когда тебе правду в лицо говорят? – с усмешкой он надвигается на меня. Пока не припирает к стене, нависая сверху. – Ох, леди, завязывай со своими городскими замашками. В чужой монастырь со своим уставом не ходят.
 – Да ваши деревенские просто дикие! Совсем ничего не понимают!
 – А ты, значит, понимаешь? – снова усмехается он мне в лицо.
 – По-понимаю, – неожиданно смущаюсь я.
 – Да ни черта ты не понимаешь, леди! – выдыхает он. И накрывает мои губы губами.

 После известия, что муж нашёл другую, я села в арендованную машину и укатила, куда глаза глядят. Но машина сломалась посреди лесной дороги, где на выручку пришёл Он.
 Грубый, неотёсанный мужлан.
 Настоящий неандерталец.
 Но лишь ему одному удаётся видеть меня настоящую.

Софья

Трасса кажется нескончаемой. Длинной, серой, как и моё настроение. Изо всех сил сжимая руль, напряжённо слежу за дорогой, едва сдерживаясь, чтобы не закричать или не заплакать. Но терплю поражение, и горячие слёзы струятся по

щекам и размывают мой взор.

Когда я садилась в машину, мной владело лишь одно желание. Уехать. Как можно скорее. Как можно дальше. И больше никогда не видеть мужа и его любовницу.

Хотелось выжечь из памяти все воспоминания о том дне, когда я поняла, что у Антона появилась другая. Та, которую он любил. Та, которой он улыбался искренне, а не как мне, натягивая день за днём фальшивую улыбку на лицо.

Сухо усмехаюсь самой себе, нервно постукивая пальцами по рулю.

О, о фальши я знаю многое. Потому что я и есть королева фальши. Вечно разыгрываю определённые роли. Перед родителями – роль хорошей дочери, перед Антоном – роль идеальной жены. Вот только если родителям было достаточно моей роли, выяснилось, что Антону была не нужна эта картинка.

Сжимаю руки на руле, больше не в силах сдерживаться. И кричу. Кричу так громко, словно это может заглушить слова, проигрывающиеся на повторе в моей голове.

“Ты не нужна мне”.

“Я никогда тебя не любил”.

“Каково тебе жить с мужем, который ни во что тебя не ставит?”

“Эта женщина... Эти чувства... Когда-нибудь ты встретишь достойного мужчину и поймёшь меня”.

У меня уже есть... Был достойный мужчина. Только вот

ему я оказалась не нужна.

Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!

От переполняющих меня эмоций вдавливаю педаль газа в пол. Машина виляет в сторону на грязной дороге, раздаётся какой-то глухой звук, подобно удару, и я резко затормаживаю.

– Чёрт, чёрт, чёрт! – бью изо всех сил по рулю тонкими руками, будто это он виновник произошедшего.

Наконец, выдыхаюсь. Откидываюсь на спинку сиденья и невидящим взглядом смотрю в серую даль, которая расстилается передо мной.

Я не знаю, куда еду. Просто понимаю, что в какой-то момент моё терпение закончилось. Треснуло, как и маска, которую я усиленно всё это время натягивала на лицо.

– Какого хрена я вообще тут делаю... – бормочу тихо. Сую руку в карман и достаю оттуда тонкие сигареты.

Щёлкает зажигалка. Сизый дым медленно кружит по салону, наполняя воздух едким запахом.

Я иногда баловалась, считая курение слабостью. Поэтому никто, даже родители, не знали об этой вредной привычке. В моём мире это было чем-то постыдным, неправильным. Куда хуже договорных браков!..

Руки дрожат. Слёзы текут по щекам. Я зажмуриваюсь. Эта реальность, в которой у меня больше нет Антона, нет наших отношений... она кажется такой мрачной, такой удушающей... В неё не хочется верить.

Открываю окно, выкидывая туда окурок. В ту же секунду мимо на большой скорости проносится пикап. Брызги от слякоти разлетаются во все стороны, попадают на мою руку. Хмурюсь, борясь с желанием заорать от исступлённого бешенства, которое вновь накатывает с невыносимой силой.

Пикап вдруг резко останавливается. Его дверь открывается, и на трассу выходит мужчина. Высокий, мощный, он лениво приближается к машине, в которой сижу я.

Странная тревога охватывает меня. Я одна в арендованной машине поздним вечером на какой-то дороге. Вокруг только лес, уже много километров.

Я хватаюсь за ключ зажигания, поворачиваю его, намереваясь уехать, не дожидаясь, пока незнакомец подойдёт.

Машина не заводится.

– Что за чертовщина... – бормочу нервно, вновь и вновь поворачивая ключ. И вскрикиваю, когда что-то щёлкает. Руку пронзает боль.

Рассматриваю её, всматриваясь в обломок ключа.

– Леди, – доносится до меня насмешливое. – По-моему, тебе нужна помощь.

Я медленно поворачиваю голову к незнакомцу. Склонившись ко мне, он улыбается хамовато и нагло, а его карие глаза, кажется, пронзают меня насквозь.

– У меня всё в порядке, – нервно откликаюсь, понимая, что, в общем-то, несу чушь. Какое “в порядке”, если ключ сломан?

Незнакомец саркастично хмыкает и упирает руки в бока. От его внимания не ускользает неожиданная поломка.

– Сдохла твоя детка, – он хлопает рукой по крыше авто, и я вздрагиваю. – Да и ключ сломался... Прости, леди, не хотел напугать, – примирительно поднимает он руки. – Нужно сделать ключ, а затем лезть под капот, чтобы понять причину поломки. Ты не поранилась?

– Так лезьте, – намеренно пропускаю мимо ушей его вопрос, на что незнакомец усмехается:

– Смотри какая начальница... Ни “пожалуйста”, ни “здравствуйте”... Городская что ли?

– А если и городская, то что? Мимо проедете?

Я понимаю, что веду себя дерзко. Даже неразумно. Но остановиться почему-то не могу. Наверное, мои нервы на пределе, или все возможные пределы уже иссякли, так что нет ни сил, ни желания сохранить на лице маску вежливости, как я обычно поступаю.

Мужчина ухмыляется и медленно проходит к капоту машины. Открывает его и присвистывает. Даже из-за крышки капота видно, как валит дым.

– Это что ещё такое...

Другая на моём месте ударилась бы в истерику. А что, все поводы имеются: муж ушёл к другой, машина сломалась, встреча со странным и пугающим незнакомцем... Нет повода, чтоб не заплакать.

Но я так устала, что, кажется, даже на слёзы сил не оста-

лось. Медленно выхожу из машины, тупо смотрю на то, как незнакомец задумчиво закуривает, и невпопад говорю:

– Меня, кстати, Соня зовут.

Почему-то кажется, что если я узнаю имя незнакомца, то день перестанет быть таким ужасным. А незнакомец – опасным. Что мы, вроде как, сократим дистанцию. Хотя зачем мне это – ума не приложу.

– Алексей, – отзывается он спокойно. – Ну что, Соня, кранты твоей детке. Дорогая тачка, иномарка, чтоб её... Красивое корыто.

У меня нет сил даже на то, чтобы возмутиться. Вместо этого я тихо спрашиваю, скорее у самой себя, чем у Алексея:

– Ну и что мне делать?

– До города километров сто, не меньше, – спокойно резюмирует мой новый знакомый. – Впереди, через десять километров, Михайловка. Небольшое село. Я там живу. Могу довезти тебя и твою рухлядь туда. Телефон с тобой?

Вместо ответа лезу в бардачок машины, куда и кинула злополучный телефон. Смотрю на погасший экран и понимаю, что моя удача окончательно меня покинула. Мобильник разряжен, а зарядку я с собой не взяла.

Ничего не взяла. Увидела офис фирмы по прокату автомобилей по дороге к отелю от любовного гнёздышка моего мужа и его любимой, в отличие от меня, женщины, взяла первую предложенную приличную с виду тачку и поехала, куда глаза глядят.

С беспомощностью смотрю на Алексея:

– Вырубился... Зарядки не хватает.

Он терпеливо вздыхает:

– Поехали ко мне. Оттуда и позвонишь, куда тебе нужно.

– А у вас разве нет сотового? Я ведь могу позвонить с него...

Смотрит на меня, как на маленькую девочку. Снисходительно и умилительно.

– Дома оставил телефон. Я вообще им нечасто пользуюсь. Некому звонить. А кому надо – и так найдут.

Киваю, не желая вдаваться в подробности. В моей голове сейчас полная каша. Сердце до сих пор болит из-за предательства мужа. И кажется, мне просто всё равно куда ехать. Ведь возвращаться, по большому счёту, мне больше некуда. Не к кому.

– Ну что, Соня, – насмешливо тянет Алексей, – поедем? Это не так далеко, как кажется.

– Поехали, – решительно отвечаю ему, и лицо Алексея озаряется улыбкой.

Всю дорогу до его дома мы молчим. Я невольно посматриваю на Алексея, который сосредоточен на дороге.

Он намного старше меня. Выглядит лет на сорок. Уверенный, насмешливый и сильный. Смуглое лицо, ухоженная борода... Взгляд опускается ниже. Руки, увитые выпуклыми венами, привлекают моё внимание. Невольно вспыхиваю и

отвожу взгляд.

Алексей явно привык к тяжёлой работе. Интересно, кем он работает?..

Но спрашивать я не хочу, почему-то стесняюсь.

Мы долго едем. Кажется, гораздо дольше, чем он мне говорил. Однако когда я уже начинаю волноваться, мы въезжаем в небольшую тихую и живописную деревушку.

"Надеюсь, смогу дозвониться до отца..." – думаю, невольно сжимая руки в кулаки от напряжения.

– Да не переживай, леди, вернем тебя в целости и сохранности домой. Я не маньяк и становиться им в ближайшее время не собираюсь, – врывается в затуманенное тревогой сознание насмешливый голос Алексея.

Перевожу на него взгляд. Недовольство вспыхивает в моей душе мгновенно. Никто и никогда так не разговаривал со мной. Так нагло, развязно и насмешливо. Неуважительно.

В другой ситуации я бы уже давным-давно поставила этого мужлана на место. Вежливо и с достоинством. Однако сейчас не время показывать свой характер. Поэтому я отворачиваюсь к окну, чувствуя на себе его взгляд.

Наконец, останавливаемся у небольшого деревянного дома с резными ставнями на окнах. Алексей выходит из машины, открывает ворота, а я некстати замечаю, что время близится к полночи. Из-за тяжёлых кустистых туч деревня – доступная моему взору её часть, да и в целом обстановка, кажутся очень мрачными. Я стараюсь сдержать возникшую

нервозность. Алексей садится в машину, и мы вместе с моей многострадальной колывагой заезжаем во двор.

– Сейчас заряджу телефон, и ты сможешь позвонить, – с улыбкой произносит он. – Проходи на кухню, там есть вода. В ванной сорвало кран, поэтому привести себя в порядок сможешь лишь на кухне. Уж извиняй, леди. К визиту гостей я оказался не готов. И это... Пошарь в холодильнике, может, че пожрать найдешь... Я голоден как волк. В общем, сообрази там сама, а я пока с твоей тачкой поколдую.

От шока даже не нахожусь, что ответить, просто открываю и закрываю рот, как выброшенная на сушу рыба. Но Алексею, кажется, мой ответ и не нужен – он выходит из машины, весело насвистывая какую-то мелодию. Некстати замечаю, что у него отличная фигура: узкие бёдра, длинные ноги и широкие плечи...

"Неандерталец!" – фыркаю с негодованием и выбираюсь из его огромного, под стать хозяину, автомобиля.

Прохожу в неплохой, добротно сделанный дом. Кухня находится быстро. Быстро умываюсь. Вода ледяная, но несмотря на мурашки, бегущие по коже, меня это ни капли не тревожит.

Мне вообще кажется, что все мои чувства словно застыли. Я и сама застыла от боли в тот момент, когда мой муж Антон сказал, что хочет развестись. Хрупкое равновесие, которое я поддерживала мыслями о том, что если буду для него хорошей женой, то он меня полюбит, быстро рухнуло. Как и все

мои надежды на спокойный благополучный брак и детей.

Тяжело вздохнув, упираюсь руками в раковину и отстранённо наблюдаю за тем, как мой новый знакомый пытается починить несчастную машину.

Розовые очки бьются стёклами внутрь, да? Если так, то я должна ослепнуть. А заодно и оглохнуть. И вообще – умереть.

Лишь бы не слышать больше слов отца о нашем неудачном союзе, о том, что это я виновата в том, что не смогла сохранить свой брак... Лишь бы больше не наткаться на холодный, препарирующий внутренности взгляд Антона.

Бездумно оглядываюсь. Высокий белый холодильник, рядом стол. Несколько стульев. Весьма аскетично. И тихо.

Тишина... Как же мне её не хватало в постоянном движении города. Особенно, в никогда не спящей Москве.

"Может быть, мне остаться здесь?" – мелькает в голове безумная мысль. Мысленно отвечаю себе затрещину.

Как я могу думать о такой нелепости? Ночевать непонятно где, непонятно с кем! Надо срочно звонить отцу, пусть вытаскивает меня отсюда!

– Слушай, леди, – в небольшое помещение входит Алексей. Я невольно делаю шаг назад. Он, кажется, заполняет собой всю кухню. Выглядит зло и угрожающе. Но, очевидно, мой испуг настолько легко читается на лице, что он смягчается: – Там, помимо сломанного ключа, ещё и поломка двигателя. Зарядку от телефона я пока не нашёл, она где-то в

зале лежит. В холодильник ещё не залезала?

– Нет, – тихо буркаю я.

– А зря. У меня там пирог остался, соседка угостила. Вытаскивай его, поедим. Тачку твою придётся в автомастерскую буксировать, а до неё долго ехать.

– Просто вызовите эвакуатор, неужели это так сложно? – невольно вырывается у меня.

Он смотрит на меня, как на какую-то чудную зверушку, а затем начинает хохотать. От мягкого басовитого голоса по коже почему-то разбегаются мурашки.

– Милая, ты не в своём городе. Это маленький посёлок, где нет инфраструктуры, понимаешь? И тебе придётся отвалить хорошую сумму, чтобы сюда доехал эвакуатор.

– Деньги – это не проблема...

– Богатая девочка, значит... – ухмыляется Алексей. – Вот только своими деньгами можешь просто подтереться.

– Что вы себе позволяете?! – возмущённо охаю я. А он нагло ухмыляется, обнажая ряд белых зубов:

– Посмотри на часы. Уже глубокая ночь, даже в соседнем посёлке городского типа, где есть эвакуатор, уже давным-давно ничего не работает. Они не попрутся сюда ни за какие бабки. Сейчас я найду чёртову зарядку, вызовешь кого-то из родственников, но ты сама видела, сколько мы сюда добирались. Вот и они доедут, в лучшем случае, где-то ближе к утру. Хочешь – звони, но я бы советовал тебе дожидаться утра.

Отвожу взгляд, чувствуя, как душу щемит тоска. Кому мне звонить? Отец, конечно, из Москвы не примчится, но найдёт, кого прислать. А потом мне придётся ещё пять лет выслушивать его занудные речи о том, какая я непутёвая и как разочаровала их с матерью... Увольте. В то, что сюда приедет Антон, я не верю. Не удивлюсь, если он вообще добавил меня в чёрный список.

– Я могу... остаться здесь до утра? – осторожно спрашиваю у Алексея.

Он пожимает плечами:

– Конечно. У меня не так много комнат, но, так и быть, леди, уступлю тебе свою спальню. Ночью там теплее всего. Располагайся, я не буду тебе мешать. И всё-таки поешь пирог, он очень вкусный.

Сказав это, он уходит, оставляя меня провожать его растерянным взглядом. Затем, опомнившись, подхожу к холодильнику, открываю его. Моим глазам предстаёт огромный пирог. Он вкусно пахнет, но от его запаха меня почему-то мутит. Желчь поднимается к самому горлу, и я отшатываюсь от холодильника и захлопываю его дверцу.

К черту пирог. На мою долю выпали такие испытания, что кусок в горло не лезет.

“Где там его спальня?”

Осторожно прохожу по коридору. Комнат в доме, на самом деле не слишком много. Открываю первую попавшуюся и отшатываюсь. Оттуда доносится отчётливый звук льющейся

воды. А в вертикальной кабине угадываются очертания обнажённого мужского тела.

За шумом воды Алексей не слышит, как дверь в ванную открылась. Он намыливает голову, но мой взгляд обращён вовсе не туда. Я смотрю на поджарые ягодички, на пену, которая мягко сползает по мощной, бугрящейся мышцами, спине.

“Черт побери...”

Прежде, чем Алексей успевает обернуться, быстро закрываю дверь. Сердце бешено бьётся где-то в горле.

“Зачем я подглядывала? У меня просто шок... Просто шок. Нужно выпасться, да. Всё нормально. Чего я хотела? От меня любимый человек отказался...”

Вздыхнув, иду по коридору дальше. Наконец, открываю дверь одной из комнат и застываю на пороге.

“Да, очевидно, это его комната...”

Как я узнала это? Здесь пахнет его одеколоном. Сухим, тяжёлым, древесным... Чувствую, как краснею. Когда я успела это заметить? Непонятно...

Робко присаживаюсь на застеленный двуспальный диван. Он занимает почти всё территорию комнаты. Остальное пространство поделено между стоящим в углу высоким шкафом и небольшим столом, находящимся около окна.

– Какого чёрта я здесь делаю... – тихо бормочу я, ложась на постель. Голову тянет к подушке. Как же я устала... Сейчас, на пару минут прикрою глаза, а потом, потом решу все

свои вопросы... Да, точно решу...

Распахиваю глаза, оглядываюсь, не понимая, где нахожусь. А потом взглядом упираюсь в обнажённые бёдра и мужской член, который находится в боевой готовности.

Тишину дома разрезает мой громкий крик.

Глава 2

Софья

Кажется, что я нахожусь в каком-то кошмарном сне. Или... в порно-фильме?!

Ошарашенно отползаю, отводя взгляд, чувствуя, как жаркий горячий румянец заливает щёки, шею и грудь.

Когда мы с теперь уже бывшим мужем Антоном занимались сексом, это происходило в темноте и под одеялом... А теперь незнакомый, по сути, мужик, практически тычет мне в лицо своим хозяйством и абсолютно не стесняется!

“Он что... хочет надо мной надругаться?! Бежать! Как можно быстреей!”

– Софья... – доносится до меня его голос. Но я не обращаю внимания на это, быстро сползаю с кровати через другой край и пытаюсь выбежать из комнаты. Пытаюсь – потому что мне это почти удаётся. “Почти” – главное слово здесь, ведь спустя мгновение я чувствую на своём предплечье сильную хватку.

– Да погоди ты! Постой! – рывкает Алексей, притягивая меня к себе. Этого оказывается более чем достаточно для моего лопающегося терпения. Взвизгнув, бью его по щеке наотмашь и кричу:

– Отпусти меня, извращенец!

Алексей на мгновение замирает, а я сжимаюсь, предчув-

ствуя неприятности. Он издаёт глубокий терпеливый вздох, прикрывая глаза. А я молюсь, молюсь, кажется, впервые за все года своей жизни.

– И зачем я остановился тогда... – бормочет он, осторожно отодвигаясь от меня, но всё ещё крепко держа за руку. – Я зашёл сюда, чтобы взять своё бельё. Всё же это моя комната. Гостей, как понимаешь, я не ждал, поэтому пришлось идти сюда... Я не насильник, уверяю тебя.

– Руку отпусти, – холодно цежу сквозь зубы.

Алексей послушно разжимает пальцы. И действительно выглядит пристыженным. Кидаю мимолётный взгляд в окно.

Стоит глубокая ночь. Сколько же я спала? И куда хотела бежать? Глупая...

– Я только бельё и одежду возьму. Извини, если напугал. Отворачиваюсь, всё ещё ощущая, как пылает лицо.

– Хорошо. Забирай одежду и уходи.

Слышу тихий смешок у себя за спиной и внутренне напрягаюсь, но Алексей, как и говорил ранее, просто забирает одежду и уходит. Более или менее расслабиться у меня выходит лишь тогда, когда я слышу звук закрываемой двери.

Осторожно поворачиваюсь и вновь подпрыгиваю: дверь открывается и в образовавшийся проём пролезает голова Алексея. Он озорно улыбается мне и подмигивает:

– Если что, в ящике стола есть ключ. Можешь запереться на ночь, если сильно переживаешь.

Сказав это, он захлопывает за собой дверь, оставляя меня

от злости кусать губы.

Дверь я действительно запираю. Так спокойнее и удобнее. Не приходится постоянно думать о том, что этот мужлан вломится в мою... в свою комнату.

Утро наступает быстро.

Я осторожно открываю дверь, выглядываю из комнаты, а затем прохожу на кухню. Там меня ждёт накрытый стол. Запах горячего чая с душистым мёдом и лимоном вышибает из головы все разумные мысли. Пирог, стоящий на столе, более не вызывает рвотных позывов.

– Проходи, леди, – слышу я насмешливое и сразу же внутренне подбираюсь.

Алексей стоит около стола, облокотившись на него. Странно, что я сразу не заметила его. Очевидно, поглощённая голодом, смотрела лишь на еду.

– Садись, еда ждёт. Да и поговорить нам нужно.

Послушно шлёпаюсь на скрипучий стул и смотрю на него снизу вверх. Он всё ещё пугает меня.

Алексей, кажется, замечает моё состояние, поэтому тяжело вздыхает. Тень сожаления наползает на его лицо.

– Мне очень жаль, что напугал тебя... Я правда не хотел ничего подобного. Я не маньяк, – он поднимает руки вверх, словно капитулируя, нервно улыбается, и я понимаю, что извиняться Алексей не мастак.

Но всё же чувствую облегчение. Словно тугой ком посте-

пенно развязывается в груди.

– Да ничего страшного, я понимаю. Я...

Не успеваю договорить, как слышу настойчивый стук в дверь. Чертыхнувшись, Алексей бормочет:

– Ну кто там ещё?..

Широким шагом он проходит в коридор, я зачем-то слеую за ним. Алексей распахивает дверь, и я невольно открываю рот.

На пороге стоит вызывающей красоты блондинка, которая растягивает яркий, густо накрашенный красной помадой рот, едва видит Алексея:

– А я уж думала, что снова не застану вас дома... Как вам мой пирог?..

Незнакомка переводит взгляд на меня, и её улыбка становится натянутой.

– Алексей, вы не один... Извините, я зайду позже.

Её поза, мимика... Всё так и кричит о недовольстве, которое она испытывает. А Алексей будто нарочно подливает масла в огонь:

– Да, Надь, мне сейчас неудобно говорить. Зайди позже.

Сказав это, он захлопывает дверь перед ней.

Едва сдерживая смех, произношу:

– Ваша поклонница, видимо, сильно рассердилась. Она рассчитывала застать вас в одиночестве.

Вновь невольно перехожу на “вы”, он, кажется, это тоже замечает. Вздёргивает бровь, но ничего не отвечает, а просто

бурчит:

– Какая такая поклонница? Ерунду говоришь. Садись есть. Займи уже чем-нибудь свой болтливый ротик.

Краска заливает моё лицо, я чувствую, как внутри всё пылает от его непристойных слов. Развернувшись, прохожу на кухню, зло режу несчастный пирог. Один кусок кладу на тарелку Алексею, другой – себе. Так же молча сажусь за стол, откусываю жадно и зло от пирога. И вдруг, почему-то в моей голове мелькает странная мысль о том, что я, чёрт побери, ни разу не задумалась за утро о том, чтобы вернуться домой.

Это шокирует настолько, что я застываю, не донеся кусок пирога до рта. И тут же ловлю на себе взгляд Алексея, наполненный недоумением.

– Что такое? Пирог не вкусный?

– Вкусный... – бормочу, уткнувшись носом в тарелку.

Как так вышло, что я ни разу не подумала об Антоне? Да, он бросил меня, променял на другую, а я тут ночую в обществе другого мужчины, глазею на него...

“Стоп. Я ничего не должна Антону. Он меня предал. И я больше ничего не должна своим родителям. Я пыталась следовать их наставлениям, они, очевидно, хотели, чтобы я жила в достатке с подходящим человеком... Но всё уже в прошлом... Я никому ничего не должна”.

От этих мыслей становится легче дышать. И настоящее кажется уже не таким мрачным.

Я даже на Алексея смотрю немного по-другому. С неко-

торым сочувствием. Свалилась ему на голову, как какое-то несчастье.

– Вы хотели поговорить, – тихо напоминаю ему.

– Давай без твоих “вы”. Общайся по-человечески, – морщится он. – Хотел. Машина твоя, как я уже говорил, в плачевном состоянии. Ты хотела вызвать эвакуатор, чтобы отвезти её в автомастерскую? Я могу помочь. Свяжусь с ребятами, но придётся раскошелиться.

– Да, конечно. Я буду очень благодарна, если ты мне поможешь, – отвечаю, сложив руки на коленях.

Алексей пристально смотрит на меня, затем, усмехнувшись, продолжает:

– В таком случае давай доедим, и я всё решу.

“Всё решу...” – мысленно смакую эти слова, чувствуя себя как-то странно. И уезжать почему-то уже не хочется.

Смотрю в окно, туда, где на утреннем небе снова собираются тучи и неожиданно даже для самой себя произношу:

– Будет замечательно, если мне починят машину. Но вообще я хотела спросить: в деревне случайно никто дом не сдаёт в аренду?..

Алексей удивлённо приподнимает брови, на мгновение задумавшись.

– Даже не знаю, нужно спросить у Надьки. Она в курсе всего, – отвечает равнодушно. – Звонить-то будешь?

С удивлением и даже некоторым стыдом понимаю, что совершенно забыла о том, что необходимо было позвонить от-

цу, чтобы он не волновался.

“Они с мамой меня, наверное, потеряли...”

Понимаю, что нужно ответить Алексею “да”, но почему-то молчу. От мысли о том, что вновь услышу упрёки от отца, становится дурно. И вкусный кусок пирога, который я уплетала всего лишь минуту назад, уже не кажется мне таким вкусным.

Откладываю его в сторону, аккуратно вытираю салфеткой рот и руки и тихо произношу:

– Я позже позвоню.

– Дело хозяйское, – пожимает плечами Алексей. – Я позвоню ребятам, они приедут и привезут эвакуатор для твоей машины.

– Точно, деньги! – спохватываюсь я. – Деньги же нужны! А кошелёк в машине остался...

– Экая ты растяпа, – ухмыляется Алексей и небрежно кидает мне ключи от автомобиля. – Я достал все вещи из твоей колымаги, они в багажнике моей машины. Деньги можешь пересчитать, я ничего не взял.

Почему-то я ему верю. Почему-то, даже не возмущившись, выхожу из дома и направляюсь к машине. Однако застываю на полпути, чувствуя на себе чей-то обжигающий взгляд.

Оборачиваюсь. Надежда, которая не так давно заходила к Алексею, стоит, облокотившись на забор и откровенно рассматривает меня.

– Меня Надя зовут, – что-то в ее тоне заставляет меня

напрячься. — Я соседка, мой дом справа от Лёшки.

— Соня, — тихо отвечаю я.

— Городская что ли? — прищурившись, окидывает меня пристальным взглядом с головы до ног.

— Да я тут...

— Давно не видела, чтобы Лешка к себе бабу приводил. Все один... А теперь вот городскую приволок! Чудной! Что, здесь баб что ли нормальных нет?

Она раздражённо передергивает плечами и прежде, чем я успеваю что-то сказать, отходит от забора. Выпрямив спину, вальяжно идёт к своему дому. А я чувствую, как гнев горячей волной заливают щёки и шею.

И какого черта я вообще в это вмешалась?

Подхожу к машине Алексея, открываю багажник. Вытаскиваю оттуда свои вещи. Раздражение только нарастает.

— И зачем только сюда их все перетащил? — недовольно бормочу и подсказываю от голоса, который раздаётся позади меня:

— Чтоб не сперли твоё барахло, пока машина в автомастерской будет.

От испуга бьюсь головой о дверцу багажника:

— Ой!..

— Ну какая же ты неловкая! — смеётся Алексей.

— Тебе смешно? — рявкаю я разъярённо, держась за голову.

— Зря я вообще с тобой связалась!

Лицо Алексея темнеет:

– Так и сидела бы в своей машине до сих пор, принцесса, если б не я. Не знакомо чувство благодарности? Или проявить его ниже твоего королевского достоинства?

Вновь вспыхиваю от гнева, скрещиваю руки на груди и выпаливаю:

– Мне знакомо чувство благодарности! Но я не обязана выслушивать всякую ерунду от той, кого едва знаю!

– Ты о Надюхе что ли? – хмурится он. – Что она сказала? Сжимаю руки в кулаки. Внезапно становится стыдно пересказывать странную женскую склоку, и я цежу:

– Сам узнай! Она, кажется, видит во мне соперницу!

Ухмыляется и окидывает меня откровенным мужским взглядом. Затаив дыхание, застываю в который раз за сегодняшний день.

На меня так давно никто не смотрел. Ни Антон, которого я слепо обожала, ни любой другой мужчина, с которыми приходилось встречаться в сверкающих залах на благотворительных приёмах. Они, конечно, выражали своё восхищение, в чьих-то глазах я видела откровенное желание, но никогда ещё не ощущала себя кроликом, на которого смотрит тигр.

Мурашки бегут по спине, а внизу живота что-то сладостно сжимается. Поверить не могу... Этот неандерталец!

– Что... что вы себе позволяете?! – вздёргиваю подбородок, встречая его наглый взгляд.

– Ничего такого, о чём бы мог жалеть, – низким бархати-

стым голосом произносит Алексей. Его карие глаза смеются надо мной. Вот мерзавец!

Он отворачивается, а я чувствую предательское разочарование, от чего снова злюсь на себя. Ну какого чёрта, а?

“Я просто соскучилась по мужскому вниманию... Это не значит, что он мне нравится! Это ничего не значит!”

– Просто не обращай внимания, и Надька отстанет. До ребят дозвониться не могу, придётся ехать так. Пока давай мне ключи, закреплю трос, а сама собирайся, да поедем, отбуксируем твою колымагу.

Пока Алексей рассказывает мне то, что я должна и не должна делать, хмурюсь ещё сильнее. Давно мне никто так не указывал. Но спорить с ним, распалая пламя гнева, которое и так тлеет во мне, не очень дальновидно.

Поэтому я молча отдаю ему ключи. Наши пальцы на мгновение соприкасаются, и меня словно горячим кипятком обдаёт. Он ошпаривает мои внутренности, лицо, шею, грудь...

Алексей тоже застывает. Его кадык дёргается.

– В общем, ты меня поняла, – хрипло произносит он, буравя меня тяжёлым взглядом.

Так же молча киваю и начинаю спешно одеваться. Слышу, как за спиной тихо хлопает дверь, но не могу сбросить оковы сковавшего меня напряжения.

Когда выхожу во двор, мужчина уже проверяет, надёжно ли прицеплен трос. Дефилирую мимо него и сажусь за руль. Закончив и так и эдак теребить трос, Алексей подходит

ко мне и снова повторяет, что и как я должна делать, неосознанно опускаясь к самому моему лицу. Так близко, что я вдруг отчётливо различаю, какие густые и пушистые у него ресницы, какие пронзительные до каждой крапинки глаза, вокруг которых скопились глубокие дорожки морщин, словно он часто бывает на солнце и постоянно жмурится. Или часто улыбается.

При виде него так близко моё сердце взмывает к самому горлу, наполняя рот едва уловимым привкусом металла. Как бывает при испуге. И мне действительно страшно. Потому что притяжение, которое я испытываю к нему прямо в это мгновение, мне незнакомо. Я никогда не испытывала ничего подобного ранее.

– Эй, леди, ты меня слушаешь или в облаках витаешь? – вкрадчивый голос Алексея вторгается в мои мысли.

– А? Что? – глупо переспрашиваю, чувствуя себя кретинкой. Поджимаю губы, сбрасывая с себя внезапное наваждение.

– Всё запомнила? – хмыкает он. Его горячее дыхание касается моего лица, губ касается, и я вспыхиваю, кажется, до самых кончиков ушей.

– Да запомнила я, запомнила! – раздражаюсь я. – Поехали уже, не май месяц то на дворе!

– Экая незадача, – почёсывает бороду Алексей. – И правда, печка то не работает. Я бы тебя пустил за руль своего красавца, но, боюсь, не справишься, он капризный.

– Тогда нам лучше поторопиться в мастерскую, пока я не отморозила себе... чего-нибудь, – запинаясь на последнем слове.

– Действительно, будет бесконечно жаль, если ты отморозишь это своё великолепное что-нибудь, – не испытывая ни капли смущения, кивает он. В глазах мужчины вспыхивают опасные огоньки, и я отворачиваюсь, сжимая руки на руле.

Прекрасно. Просто великолепно! Этот нахал что, сделал комплимент моей заднице?!

До места назначения мы доезжаем спустя сорок минут. Подруливаем к большому амбару, около которого стоит множество машин. Я выхожу из автомобиля, чувствуя напряжение всех мышц после изнуряющей поездки и внутренне сжимаясь от волнения. В голове мелькает быстрая мысль, что, наверное, мне всё же хочется здесь задержаться...

Отбрасываю её и иду к амбару. Алексей, выйдя из своего пикапа, следует за мной.

– И где автомастерская?

– Здесь, – невозмутимо отвечает он, а затем гаркает так громко, что я подпрыгиваю на месте: – Федька! Где ты?

– Да тут я, тут, – из амбара ленивой походкой выходит паренёк лет двадцати. Сунув руки в карман, оглядывает меня, а затем и Алексея.

– Шеф здесь?

– Здесь. Спит беспробудным сном.

– Пьяный что ли опять?

– А что ж ещё... – бурчит он и, нахмурившись, обращает внимание на мою машину. – Если вы приехали по поводу ремонта, то зря. Шеф не просыхает с прошлой пятницы. Даст бог, отойдёт через пару-тройку дней. Тогда и заезжайте.

Негромко выругавшись, Алексей обращается ко мне:

– Придётся подождать.

Прикрываю глаза и молча киваю.

– Мы тогда машину здесь оставим, малой. Позвони, как шеф выйдет из комы.

– Да не вопрос, – невозмутимо отвечает тот и уходит вглубь амбара.

– Здесь – это где? – с подозрением спрашиваю у своего спутника. – На улице прямо? А её на запчасти не разберут?

Он зыркает на меня смеющимся взглядом и отвечает:

– Не разберут. Но если ты очень переживаешь, загоним её в мастерскую.

– Было бы неплохо! – фыркаю я.

Хоть и этот вариант не вызывает у меня особого доверия. Не автомастерская, а сарай, владелец, по всей видимости, запойный алкоголик, какой-то сомнительный подмастерье... Но выбора у меня нет. Если, конечно, я не собираюсь звонить отцу...

“Ну уж нет! – решаю я. – Сама как-нибудь... тут... Не маленькая, справлюсь. Антон прав, хватит мне плясать под чу-

жую дудку. Побуду здесь некоторое время, приведу мысли в порядок, отдохну от всего”.

Таким образом, я вновь оказываюсь в одной машине с Алексеем. Мою злополучную колымагу мы действительно оставляем в амбаре. И путь назад, когда я не вынуждена напряжённо следить за дорогой, направляя машину на тропе в нужном направлении, действительно кажется немного быстрее.

Леса и поля пролетают с мгновенной скоростью, и я чувствую странное удовлетворение, глядя на эти пейзажи. На улице ярко светит солнце, небо голубое... Воздух в этой деревне мне кажется чистым, словно слеза. Да, всё ещё холодно, ведь осень уже вступила в свои права. Но мне отчего-то хочется пойти прогуляться по деревне. Даже если в ней всего несколько домов.

Мысль о том, что мне нужно домой, куда-то исчезает, оставляя после себя блаженную пустоту.

– А почему ты вообще поехал со мной? Разве тебе не нужно на работу? – срывается с моих уст внезапный вопрос.

Алексей тихо смеётся:

– Нет, леди. Я совершенно свободен.

Ответ кажется мне каким-то странным: несерьёзным, но с подтекстом.

Фыркаю и складываю руки на груди:

– Получается, что ты тунеядец.

– Получается, что так, – весело подтверждает он.

Усмехнувшись, прикрываю глаза, ощущая, как сонливость накрывает меня с головой мягким пледом.

Алексей о чём-то рассказывает мне, но я слышу его голос словно сквозь толщу воды. Его мягкий баритон убаюкивает меня.

Сквозь сон мне чудится, словно моей щеки касаются чьи-то нежные руки. И, наверное, это должно меня напугать, но почему-то мне приятны эти прикосновения. Прижимаюсь к рукам и вздыхаю, ощущая, как в груди становится горячо. Как тревога, мучившая меня ранее, окончательно исчезает, и более не остаётся ничего, кроме мягкого и тёплого прикосновения ласковой ладони...

Глава 3

– Соня, просыпайся!..

Раскрываю глаза, разбуженная тихим голосом.

– Выспалась? – добродушно интересуется Алексей.

– Да... Ой, так неловко, – чувствую, что краснею. Он снисходительно смотрит на меня:

– Нечего стесняться. У нас тут воздух свежий, вот тебя и сморило.

Он выходит из машины, и я только-только понимаю, что мы приехали. Прикусываю губу, выбираюсь вслед за Алексеем. Неужели и сегодня буду ночевать здесь?..

А Алексей тем временем произносит:

– Неизвестно, когда мастер в себя придёт. Ты, в принципе, можешь вызвать сюда такси и уехать в город. В копеечку влетит, конечно, но...

Я замираю. Вещи Алексей говорит очевидные, но почему-то внутри у меня всё сжимается от нежелания уезжать. Сердце пропускает удар.

Я правда не хочу ехать домой. Слушать нотации отца о том, какая я плохая дочь, ведь упустила такого мужа...

– Да я подожду... – бормочу себе под нос и заливаюсь краской, понимая, что Алексей меня услышал.

Он несколько секунд смотрит на меня, а потом кивает:

– Ну что, заходи в дом тогда. Я проголодался. Сооруди

что-нибудь пожевать. Овощи, мясо есть, всё в холодильнике. Суп свари, если нечем заняться.

Пока Алексей рассказывает мне то, что я должна и не должна делать, хмурюсь ещё сильнее. Давно мне никто так не указывал. Но спорить с ним не очень дальновидно, тем более, что я сама сказала, что хочу остаться.

“Как неловко...”

Прохожу мимо него, а он тихо произносит:

– Ключи... Чёрт. Ключи в машине оставил.

– Я возьму, – срывается с губ, и я спешу к автомобилю.

Залезаю в его пикап, вытаскиваю ключи из замка зажигания и отдаю.

Наши пальцы на мгновение соприкасаются, и меня словно горячим кипятком обдаёт. Он ошпаривает мои внутренности, лицо, шею, грудь...

Алексей тоже застывает. Его кадык дёргается.

– В общем, ты поняла, что делать, – хрипло говорит он. – Я пока в магазин схожу.

– А можно я с вами?

Он пожимает плечами:

– Пойдём. Смотреть-то тут, в принципе, не на что.

Но я, наполненная странным и немного пугающим ощущением того, что всё уже вышло из-под контроля, упорно следую за Алексеем.

Около магазина собрался народ. Я ловлю на себе несколько косых и удивлённых взглядов. Наверняка заметно, что я

не местная.

– В чём дело? – спрашивает Алексей.

– Лёш, продавщица не вышла на работу, – Надежда встаёт перед ним, кокетливо стреляет в него глазками. – Марье Петровне плохо стало, увезли на скорой.

– Некому работать, – чешет затылок какой-то мужичок лет пятидесяти. – Скоро подойдем тут все с голоду, магазин-то один на много километров вокруг!

Глядя на расстроенные и разочарованные лица, я вдруг, неожиданно сама для себя, откликаюсь:

– Да какая же это проблема? Я могу продавца заменить!

– Ты?! – Алексей, не сдержавшись, громко хмыкает, скрепив руки на мощной груди. Ловлю на себе недоумённые и откровенно насмешливые взгляды. И чувствую, как от гнева и смущения горят щёки. Нервно стискиваю руки в кулаки, обнаруживая, что ладони почему-то мокрые.

Облизываю пересохшие губы.

Я понимаю эту реакцию. Выгляжу белоручкой, ею, собственно, и являюсь. Одни мои джинсы стоят как это маленькое покосившееся здание, которое жители деревни гордо именуют магазином.

“Алексей уверен, что у меня ничего не получится. А я сама в это верю?”

Досада на свой длинный язык вспыхивает мгновенно, и я ощущаю безотчётный страх перед этими обычными людьми, которые пристально смотрят на меня, ожидая ответа.

“Куда я ввязалась? Зачем мне это?.. Идиотка!”

Тем не менее вслух произношу совершенно иное:

– А чего такого? Я быстро освоюсь, дело-то нехитрое, – невольно перехожу на деревенский говор.

Недавняя знакомая Надежда язвительно улыбается и выходит вперёд:

– А наша городская хоть знает, как весы выглядят?

– Знаю, – вздергиваю подбородок, с вызовом глядя на неё.

– А что, демонстрация нужна?

– Естественно. Что-то я сомневаюсь в профпригодности такой, как ты...

– Надя, успокойся, – тяжело роняет Алексей и неожиданно берёт меня под локоть. – Нам нужно обдумать все это, Соня ляпнула, не подумав...

– “Нам”?! – взвизгивает Надежда, с яростью глядя на нас. – Лёша!..

– Потом, – бросает он ей и практически тащит меня от магазина прочь.

Ощущение его грубых пальцев на коже кажется мне странно обжигающим. Я пытаюсь выдернуть руку из крепкой хватки, чувствуя, как бешено бьётся сердце, но тщетно. Алексей крепко держит меня.

Отводит на достаточное от толпы расстояние, резко останавливается. Встряхивая мои плечи, чуть грубовато поворачивает к себе лицом. Изучающе заглядывает в мои глаза. Его взгляд строгий и пристальный, от которого мне хочется

сжаться. Почему-то впервые наедине с ним мне становится по-настоящему страшно. Но этот страх возникает не потому, что я боюсь его. Это что-то другое. Гораздо страшнее. Что не на шутку пугает меня.

Словно Алексей прощупывает мою... душу. Пытается отыскать в моих глазах ответы на непрозвучавшие вопросы.

Вдруг становится очень важным, какие ответы он там найдёт. Понравится ли ему?.. Что именно – я не знаю.

Спустя несколько напряжённых мгновений Алексей вдруг резко выдыхает мне в лицо:

– Значит, всё-таки задержаться решила, леди?

Горячее дыхание щекочет нос, и я морщусь.

– Выходит, что так.

Уголок его губ кривится от сдерживаемой улыбки, и он кивает:

– Хорошее решение, одобряю. Точно справишься?

Поначалу я не понимаю, про что он спрашивает.

– Если найдётся дом или комната в аренду, то было бы прекрасно.

– С этим покумекаем. Пока можешь у меня оставаться, сколько пожелаешь. С магазином справишься?

Стараясь не думать о его словах, припоминаю, что совсем недавно окончила экономический колледж в Великобритании и несколько лет занималась благотворительной деятельностью, и сдержанно отвечаю:

– Попробовать можно. Получится – все в плюсе. Нет так

нет. Считать, вроде, умею, а всему остальному можно научиться.

Алексей отвечает с привычной усмешкой:

– Ну надо же! Растёшь прямо на глазах!

Отчего-то меня смущают его слова. Возможно, потому что тон мужчины больше напоминает похвалу. А может, потому что мне хочется, чтобы он увидел во мне что-то большее избалованной городской штучки.

В итоге Алексей договаривается с владельцем магазина, Игорем Михайловичем, о том, что я заменю продавца.

Игорь Михайлович, невысокого роста худой мужичонка, вначале окидывает меня подозрительным взглядом, а затем произносит:

– Ну пушай походит... городская шоль?

Его голос, неожиданно густой и басовитый, совершенно не сочетается с внешностью, отчего я вздрагиваю и тихо отвечаю:

– Да... – затем набираю в грудь воздуха и выпаливаю: – Но образование у меня есть! Я смогу привести в порядок дела в магазине!

– Ишь какая деловая, – сурово косит на меня взглядом Игорь Михайлович. – Ну что же, приступай с завтрашнего дня. Начало работы в восемь утра, но прийти нужно пораньше. Разберёшься в записях Марьи Петровны, покумекаешь

что и как... Главное, чтобы недостачи не было. Работы много, хоть и рабочий график всего-ничего. С утра принять хлеб и молоко, это каждый день, кроме воскресенья. Раз в неделю, во вторник, машина привозит всё остальное: сыры, колбасы, макароны, крупы, овощи и фрукты. Что заканчивается – нужно внести в список, чтобы включить в следующую поставку. По будням работать с восьми до четырёх, обед с двенадцати до часу. В субботу – с восьми до двух без перерыва. В воскресенье выходной. Марья Петровна одна работала, и тебя сменять некому. Уверена, что готова к такому?

– Уверена, – без промедления произношу я. По спине ползёт холодок, сердце заходится в быстром ритме. Я ещё никогда так быстро не принимала решения... Точнее, за меня, в основном, принимал решения отец, а мне оставалось только соглашаться с тем, что было сказано.

Теперь мне кажется, что я не справлюсь. Что обязательно облажаюсь. Но тёплая рука Алексея на плече вдруг сжимается, будто подбадривая меня, и страх медленно уходит.

Я справлюсь. Обязательно справлюсь. В Великобритании, когда училась, имела дела с акулами покрупнее, а уж когда в столице вращалась в светском обществе... Там палец никому в рот не клади, по локоть откусят. Так что и тут нечего бояться!

– Хорошо. Завтра в полвосьмого тогда чтобы была здесь. Я тоже приду, ключи все отдам, покажу где и что находится.

– Поняла. Буду, – с улыбкой киваю ему, на что Игорь Пет-

рович вновь подозрительно косится.

А я что? Я ничего. Я так привыкла реагировать на всё. Чувства скрывать за улыбкой.

Игорь Петрович уходит, а Алексей с улыбкой говорит:

– Ну что, пошли домой.

“Домой”? Когда его дом стал домом и для меня?

Чувствую, как щёки заливает непослушный румянец. Медленно киваю и как бы невзначай произношу, исподлобья глядя на Алексея:

– Мне нужен дом. Как-то неудобно вас стеснять.

Улыбка почему-то сползает с его лица. Почесав затылок, он неохотно отвечает:

– Поспрашиваю у соседей, может, кто сдаёт небольшой домик в деревне...

Возвращаемся мы молча. Алексей становится замкнут и неразговорчив. Я почти физически ощущаю перемену в его настроении. И тоже молчу, мысленно перебирая в голове произошедшие события.

Непостижимо. Попала в эту деревню, познакомилась с Алексеем, живу здесь... И завтра выхожу на работу. Начинается новая жизнь? Я в этом ещё не уверена, но точно знаю, что в прошлую возвращаться не хочу.

Нет сил и желания бороться с обстоятельствами в одиночку. И малодушно хочу, чтобы там как-то разобрались без меня.

Меня даже измена мужа постепенно перестаёт трогать.

Наверное, в глубине души я всегда понимала, что этим всё и закончится. Не видела, не ощущала от него никакой отдачи. Знала, что не нужна ему.

А теперь... теперь лишь жалею, что не ушла сама. А ведь теперь понимаю, что нужно вовремя уходить...

За размышлениями не замечаю, как мы с Алексеем подходим к дому. Он пропускает меня вперёд. Я захожу на кухню, убираю со стола тарелки, оставленные утром, остатки пирога сую в холодильник. Теперь, когда я знаю, что его приготовила неприятная персона по имени Надя, есть его почему-то не хочется.

Мою посуду, то и дело поглядывая в окно. Здесь, кажется, есть всё то, о чём я так давно мечтала. Свобода. От обстоятельств, от боли и горечи предательства. Свобода, о которой я, возможно, так долго мечтала. Мне немного страшно и больно, от этих чувств холодеет в груди, но всё же надеюсь, что призраки прошлого отпустят меня, если я решу заняться своей жизнью на новом месте. Создать свои собственные, личные воспоминания, куда не сунут руки мои родители и в которых не будет места мужу, изменившему мне.

Глава 4

Соня

На следующий день встаю рано. Выхожу на кухню и вижу там Алексея, который пьет кофе.

– Я приготовил тебе завтрак, – лениво улыбается он и поддвигает мне тарелку с бутербродами и чашку.

– Спасибо, не стоило... – смущенно тру нос. Доброжелательность Алексея поражает, заставляя краснеть.

– Что смутилась? – усмехается он. – Садись, ешь давай. День у тебя будет сложный, поэтому нужно набраться сил и энергии. Сейчас уйдешь в магазин, я схожу к Надьке, узнаю по поводу свободного жилья.

Через силу улыбаюсь ему и зло откусываю бутерброд. Почему-то мне не нравится, что Алексей пойдет к ней. Но я заталкиваю эти мысли глубже. В них совершенно нет смысла. Потому что мне необходимо разобраться с тем прошлым, которое стремится меня нагнать.

Наверняка отец уже звонил сто раз. Но я предусмотрительно вытащила симку из телефона, не желая нервничать или ругаться. Ведь в любом случае каждый из нас останется при своём мнении. Он наверняка погонит меня мириться с Антоном, который уже живёт своей жизнью. Но отцу будет наплевать на все условности, я точно это знаю...

– Соня? – возвращает меня в реальность голос Алексея.

– А? Прости, задумалась... – с удивлением замечаю, что съела почти все, что он мне приготовил.

Слышу негромкий стук в дверь. Оглядываюсь, готовая подняться и пойти посмотреть, кто решил прийти в такое время, но Алексей меня останавливает:

– Доедай. Я сам открою.

Он проходит в коридор и через несколько мгновений я с досадой различаю голос Надежды:

– Доброе утречко, Алексей! Как твои дела? Как настроение?

В ее голосе явно звучат игривые нотки, которые чертовски раздражают! Редко поднимаюсь из-за стола, но когда Алексей отвечает, всё раздражение сходит на нет:

– Всё хорошо. У тебя есть знакомые, которые дом сдают?

– Есть, – мурлычет Надежда. – А тебе зачем?

– Это не мне, а Соне. Хочет отдельно жить.

– Да уж, давно пора... Тут рядом, сосед твой с другой стороны сдаёт. Недорого.

– Санька что ли?

– Да. Он в город собирается, работу там нашёл. А чтоб дом не пустовал, ищет кого-то.

– Хорошо, спасибо, Надя... Схожу к нему позже.

– Ну “спасибо” в карман не положишь...

Я выглядываю в коридор. Там, сложив руки на пышной груди, стоит Надежда. И как-то она близко к Алексею стоит! Хитро, как гуляющая мартовская кошка, улыбается ему. Вот

нахалка!

– Мы будем очень вам благодарны, – выхожу из-за угла и складываю руки на груди. Понимаю, что это выглядит странно и, возможно, неуместно, но остановиться не могу. Пусть милуются, когда меня нет рядом!

С удовольствием замечаю, что Надежда выглядит раздражённой, а вот Алексей, наоборот, широко улыбается. И от этой улыбки мне почему-то становится радостно и легко.

– Вот, пожалуйста, – Игорь Михайлович распахивает двери магазина. – Ассортимент небольшой, но чем богаты, тем, как говорится...

Внимательно осматриваю небольшое помещение. Сельских магазинов я не видела никогда. Привыкла к гипермаркетам, где есть все, что только можно пожелать. И это все аккуратно распределено по отделам и полкам. Тут же яблоку некуда упасть, товары расставлены вперемешку: рядом с молоком лежат канцтовары...

“Хорошо, что хоть в продукты не положили стиральные порошки... – мрачно думаю я. – Порядок придётся наводить... Как они вообще здесь работают?”

– Каждый день с утра приезжают поставщики молока и яиц, – тем временем продолжает Игорь Михайлович. – Фермеры с соседних деревень приезжают и предлагают свои товары. У нас налажены связи со многими из них, только у Черепанова ничего не бери. У него много тухлого попадается,

не знаю, на что рассчитывает...

Записываю в небольшой блокнот:

“У Черепанова ничего не брать...”

– Так же примерно к девяти привозят свежий хлеб. Тебе таскать ничего не нужно, они сами тебе все выгрузят.

– У них есть грузчики?

– Сыновья пекаря Василий и Иван этим занимаются. Так что не переживай больно. Все хорошо будет.

“Легко сказать... – чувствую, как сердце заходится от волнения. – И во что я только вляпалась?..”

После того как Игорь Михайлович уходит, я остаюсь в магазине одна. Со страхом поглядываю на часы. Время тянется словно резина, а тишина в помещении давит. Вздохнув, упираю руки в бока. Начальство я не предупредила, что займусь перестановкой товара, но думаю, что оно не будет против.

Поэтому следующие полчаса или даже больше я занимаюсь именно этим. Канцтовары, лежавшие рядом с молоком, убираю в сторону, молоко (кстати, просроченное) списываю и убираю на склад. После ревизии на полках выхожу из магазина, прихватив с собой веник, чтобы подмести крыльцо и отнести мусор на свалку неподалёку.

И что самое интересное: за то время, пока я прибираюсь, ни единая душа не заходит в магазин! Я даже не вижу, чтобы кто-то проходил мимо него...

“Возможно все ждут, когда привезут молоко и яйца...”

Вспоминаю слова Игоря Михайловича:

“В девять часов жди грузовик с хлебом...”

Глянув на часы, убеждаюсь, что скоро будет поставка товара. И вскоре слышу, как к магазину подъезжает машина.

– Хозяйка, принимай товар! – в помещение заходит огромный широкоплечий детина и застывает, увидев меня.

– А где Марья Петровна?

– А она в больнице... Я за неё, здравствуйте, – робко улыбаюсь ему. – Меня зовут Соня.

– А-а-а, понял-понял, – улыбается парень. – А я Миша, молоко и яйца привёз. Вот тебе накладные на товар, принимай! А я сейчас принесу товар...

Как только Миша выходит из магазина, туда заходят ещё два парня, которые представляются Иваном и Василием...

“Эти привезли хлеб...” – только успеваю подумать я. А потом меня засасывает в бесконечный водоворот дел. Начинают приходить покупатели, а я, не разобравшись ещё с накладными на молоко и яйца, пытаюсь их отпустить. Миша, глядя на мои отчаянные потуги, тяжело вздыхает и отодвигает меня своей сильной рукой с дороги.

– Куда делись полки с молоком? Ты здесь всё переставила? Зачем?

– Хозяйка, ты примешь хлеб? Нам нужно ехать на другую точку, мы уже припозднились...

– Вы собираетесь меня отпустить? Я же просила мыло! – раздражённо бурчит старушка-покупательница, глядя на меня из-под насупленных седых бровей. – Петровны нет, раз-

вели бардак...

– Да-да, сейчас, ребята, подождите пять минут, пожалуйста... Миша, молоко теперь в другой стороне! Мыло? Да, сейчас, найду его... Да где же оно?!

Часа через полтора, когда сплошной поток покупателей слегка редет, я могу присесть на стульчик и немного отдохнуть. Устраиваюсь на низком скрипучем табурете, отчаянным взглядом осматриваю пустой магазин. Глаза жжёт невыплаканными слезами.

“И что я здесь делаю? Зачем вообще ввязалась во всё это?”

Хочется закричать, затопать ногами подобно маленькой девочке, но я лишь сжимаю руки в кулаки, переживая в себе эту душевную слабость.

“Ничего... Ничего. Я всё переживу. Не сломаюсь. У меня не получилось с Антоном, я оказалась не слишком хорошей дочерью, но одно понятно точно. Единственное, что я всегда хорошо умела – работать. Нужно собраться, это не трагедия... Пережила уход любимого мужа, переживу и эти временные трудности...”

– Вы свободны? – мелодичный насмешливый голос вытаскивает меня из моих тяжёлых раздумий.

Надежда.

Поворачиваюсь к ней, натянув улыбку.

– Конечно, Надя. Что вам подсказать?

Она с ехидной улыбкой оглядывает магазин:

– Да уж... Первый день – а вы уже такую ревизию провели. Не устали?

Её приторный заботливый голос не способен ввести меня в заблуждение.

– Всё в порядке. Сложно, но я справляюсь.

– Рада это слышать. В любом случае мы с Алексеем нашли вам дом.

Меня раздражает её “мы с Алексеем”. Эта формулировка кажется странной, непонятной и неприятной. Она карябает что-то внутри меня, и от этого моё настроение только ухудшается.

– Вот как, – выдавливаю из себя. – Быстро вы.

– Конечно, это ведь в моих интересах, – сладкая улыбка исчезает с её губ, и Надежда добавляет: – Чем скорее вы съедете, тем быстрее я...

– Надя, вот ты где, а я тебя искал! Уже сообщила хорошую новость Соне? – Алексей бодрым шагом заходит в магазин и широко улыбается мне.

“Хорошая новость... для него это хорошая новость!”

Подавляю раздражение, вихрем поднявшееся внутри.

– Да, новость действительно замечательная, – замечаю сдержанно. – Через полчаса уже заканчиваю работать. И готова смотреть дом.

– Прекрасно, – подхватывает Алексей. – Будем соседями. Дом рядом с моим. Так что далеко идти не нужно.

Киваю. В дверях магазина появляется Миша. Он широ-

ким шагом проходит к прилавку, пожимает руку Алексею и с улыбкой обращается ко мне:

– Ну как твой первый день?

– Вполне себе... сносно. Тебе что-то нужно?

– Да не, – он смущённо чешет макушку. – Я просто думал, что если ты скоро закрываешься, я мог бы проводить тебя до дома... – и молодой человек густо краснеет.

– Она живёт со мной, – холодно отзывается Алексей.

– Но... – встречает Надежда. Однако он кидает на неё суровый взгляд, и она замолкает, недовольно скрещивая руки на груди.

– Соню есть кому проводить, – голосом Алексея можно резать металл. Он исподлобья смотрит на Мишу, который как будто становится меньше.

– Вы это, чё, вместе что ли? – расстроено спрашивает он.

– Нет...

– Нет.

– Так получилось, – вымученно улыбаюсь Мише, не понимая, почему оправдываюсь перед незадачливым кавалером.

– Её есть кому проводить до дома, не переживай. Иди давай, – Алексей тяжело хлопает парня по плечу, и тот кивает, не сводя с меня восторженных глаз.

– Ну тогда я пошел. Соня, ещё увидимся!

– Вот ведь кавалер, – ехидно хихикает Надежда, глядя ему в спину. – Вам повезло, видный парень...

– Прекрати, – резко обрубает её речь Алексей.

– Я пойду, переоденусь... И нужно собираться, – мягко перевожу тему, не желая продолжения разговора.

Быстро ныряю в подсобку. Прикладываю руку к груди, ощущая, как быстро бьётся сердце. Никто из этих людей ещё не знает, что фактически я пока что замужем. Не знает, кто я и какое занимаю положение. Только Алексей понимает, что я при деньгах, но это вся информация, которой он владеет. По-моему, ему особо не интересно, как я жила...

“Какого чёрта я вообще об этом думаю?”

Впору ударить себя за странные мысли. Но я не делаю этого, судорожно снимая с себя рабочий халат.

Вспоминаю Мишу и его предложение, и фыркаю. Сейчас не время ни для незадачливых ухажёров, ни для предложений или гуляний. Сейчас мне нужно обосноваться здесь, немного прийти в себя после разборов полётов с мужем, а потом решить, что делать дальше.

Сейчас мне не до романтики. Себя бы по кускам собрать.

“Я всё делаю верно”, – снова и снова повторяю себе. И, чувствуя себя более уверенной, выхожу из подсобки.

“Первый рабочий день прошёл”.

Эта мысль пронзает меня сразу, как только мы выходим из магазина, я сразу чувствую, как облегчение накрывает меня.

Настроение улучшается.

“Я справилась... Смогла! Всё точно будет хорошо”, – с улыбкой думаю я.

До дома идти недалеко, и моему облегчению Надежда не идёт с нами. Она, недовольно поглядывая на Алексея, прощается и идёт к себе.

– Ты что-то ей сказал? – спрашиваю его и замечаю, как он хмурится.

– Только то, что ей нужно укоротить язык и не болтать всякую ерунду, – негромко произносит он, отводя взгляд.

– Ты не должен был... Она ведь помогла найти дом... – несмело произношу и запинаясь, натыкаясь на его яростный взгляд.

– Что-то я не помню, чтобы был кому-то что-то должен, леди. Запомни это! – резко бросает Алексей мне и ускоряет шаг, оставляя меня позади гадать, что это была за реакция такая.

Медленно иду вслед за ним, чувствуя, как обида покалывает тонкой иглой сердце. Я почему-то рада, что Алексей прогнал Надежду, но почему он мне грубит?

– Ты скоро? – смотрит на меня через плечо.

– А... да. Иду, – ускоряю шаг, а когда слышу следующий вопрос, заданный тихим голосом, будто натыкаюсь на прозрачную стену:

– Тебе понравился Мишка?

– Что? – от удивления у меня лезут глаза на лоб. – С чего ты взял?

Алексей хмуро пожимает плечами. Отводит взгляд, выходя при этом как большой неловкий ребёнок.

Мне хочется неловко рассмеяться. Заверить его в том, что я видела этого Мишу лишь пару раз и даже не восприняла всерьёз его предложение.

Но что-то меня останавливает. Алексей глухо бросает:

– Проехали. Пойдём быстрее, нас уже заждались.

Я иду вслед за ним, он ускоряет шаг. А у меня в голове бьётся лишь один вопрос: почему я должна перед ним объясняться? Почему он так странно себя ведет?

Догадки странно будоражат меня. И кажутся совсем нереальными. Не могу же я действительно ему...нравиться?

Прикусываю губу и ускоряю шаг, усилием воли выкидывая глупые мысли из головы.

"Мне жить негде! А я о таком думаю... Совсем глупая!"

Домик оказывается небольшим. Деревянный, покосившийся, он слегка напоминает мне избушку на курьих ножках из знаменитой сказки о бабе яге.

"Бывший муж, кажется, всегда воспринимал меня ведьмой..." - сухо усмехаюсь. - "Теперь стану немного ближе к этому образу..."

Владелец дома Александр производит отчетливое впечатление человека, любящего выпить. Отёкшее лицо, трясущиеся руки, явный запах перегара...

Бросаю на Алексея взволнованный взгляд, который он мгновенно замечает. Успокаивающе поднимает руки, а затем обращается к хозяину:

– Дарова, Саныч. Мне тут птичка нашептала, что ты уезжаешь в город на заработки.

– Да вот пригласили, – басит Саныч хрипло. – Надо братья пока дают, а то здесь ловить нечего, только бухаю от скуки постоянно... – он переводит на меня заинтересованный взгляд и улыбается, растягивая губы. Становясь похожим на жабу и ещё больше внушая недоверие и отвращение.

– Вы будете жить здесь?

– Да... – робко отвечаю я.

– Понял. Вижу, вы городская... Для такой красивой девушки сделаю скидку. Тридцать тыщ в месяц.

От откровенной наглости и жадности хватаю ртом воздух. У меня есть эти деньги, есть немного больше, но эта халупа просто не стоит этого!

– Саныч, сдаётся мне, Надьке ты другую сумму озвучивал, – хмурится Алексей, складывая руки на груди. Он нависает над Александром, который ниже его на полторы головы, и выглядит таким грозным, что хозяин дома ещё больше съёживается под его взглядом.

– Надурить нас решил? Думаешь, раз она не местная, то ее как лохушку развести можно?

– Да ладно тебе, Лех, я ж пошутил, – жалобно улыбается Саныч. – Прошу простить меня, с вас девять тыщ.

Дрожащими руками лезу в сумку и замираю. У меня нет наличных, нужно искать банкомат, а где его найти в деревне?..

– На вот, – сует Санычу деньги Алексей.

– Но!.. – вскидываюсь я, а он меня перебивает:

– Позже сочтемся. Свезу тебя как-нибудь в город, там снимешь денег.

Смятение накрывает меня мощной волной. Что бы я без него делала? Неужели Алексею ещё не надоело мне помогать?

– Спасибо...

Алексей, не обращая на меня внимания, спрашивает у Саныча, который деловито пересчитывает деньги:

– Надолго ты?

– Да как повезет...

– Давай там, не хулигань, а то девушку куда потом девать...

– Да постараюсь я. Не переживайте, заранее скажу все, – Саныч подмигивает мне и продолжает: – Ну что же, я пошёл. Сами тут разберётесь, че к чему. Хатка небольшая, несложно.

Сказав это, он берёт большой рюкзак и, накинув его на плечо, выходит из дома.

Наступает тишина.

– Спасибо. Правда... – шепчу я Алексею.

– Да что ты все благодаришь меня. Угомонись. Лучше осмотришься. Если что непонятно будет, то говори.

– Хорошо...

В течение следующего часа я тщательно обследую дом. Алексей не спешит уходить, присаживается на небольшую

табуретку и скучающе смотрит на меня.

Когда я добираюсь до небольшой печи, то долго стою, смотрю на нее и не знаю, что сказать. Я никогда такой не пользовалась и не знаю, как с ней обращаться.

– Что случилось? – слышу насмешливое позади себя. – Не знаешь, что такое печка?

Не оглядываясь, зло фыркаю:

– Знаю!

Однако признаться в том, что я понятия не имею, как ее растопить, сложно. Но обернувшись, я осознаю, что Алексей все понимает. Он смотрит на меня насмешливо:

– Эх, белоручка...

Со вздохом поднимается, подходит ко мне. А я отшатываюсь, ругая сама себя за учащенное сердцебиение, за странный трепет, охвативший меня, когда Алексей встаёт рядом. Он улыбается, а я замечаю на его левой щеке милую ямочку, которую почему-то очень хочется поцеловать.

“О чем только думаю?!”

Делаю еще несколько шагов назад.

Я так привыкла любить Антона, что теперь, когда в поле моего зрения появляется статный, красивый мужчина, ругаю себя за произвольную реакцию тела.

“Возможно, я могу понять Надежду, которая надевает кофточки с глубоким декольте и призывно улыбается ему...”

– Здесь нет ничего сложного, – доносится до меня его голос. И я практически заставляю себя сосредоточиться на

том, что говорит мне Алексей. Иначе действительно покажусь ему дурочкой...

Некоторое время он объясняет мне устройство печки и то, как ее нужно разжечь.

– Ночи здесь холодные, – заканчивает Алексей. – Поэтому лучше разжигать ее вовремя. На замок не закрывайся, никому мы здесь не нужны. Но если что, закрыться можно на это, – дает мне большой замок, который я едва не роняю.

– К-какой тяжелый, – признаюсь я, разглядывая замок.

– А ты что думала, леди, – усмехается Алексей. – Знаешь, как он закрывается? – он осторожно берет меня за руку. – Сюда ключ вставлять нужно, а ключ вон, на полке...

Понимаю, что ему нужно что-то ответить, но все мои ощущения и эмоции сконцентрированы на горячей ладони, которая обхватывает мою руку. На том, как большой палец скользит по краю мизинца. Дыхание перехватывает, и я сглатываю слюну.

– Я... Я поняла, не дурочка же! – вырываю руку из его мягкого захвата. Мне жарко и почему-то стыдно.

Алексей усмехается, скользит по мне тяжелым взглядом. Кажется, он читает все мои тайные помыслы.

– Если что – кричи. Я тут, по соседству, – сообщает он мне, прежде чем выйти из дома.

Я киваю. И с облегчением выдыхаю, когда он выходит за дверь. Чувствую себя глупо, и это не нравится мне.

“Стоит заняться обустройством дома и работой... А еще

подумать, что же делать с родителями... Они наверняка меня уже обыскались”.

Телефон я так и не зарядила. Возможно, стоило все же позвонить отцу и просто поставить его перед фактом, что я больше не желаю жить той жизнью, что жила ранее. Что не хочу быть живой куклой, которой управляет чужая рука. Что меня тошнит от бесконечных просьб родителей быть хорошей женой, хорошей дочерью. Быть хорошей. Удобной. Улыбаться, когда хочется кричать и реветь навзрыд. Ловить взгляд мужа, наполненный презрением, и не понимать – за что?..

“Нет, не стоит звонить... Иначе я просто накричу на отца. Нужно переждать, когда успокоится внутренняя буря. Дождаться того момента, когда мне станет все равно... Да. Это будет лучшим выходом из ситуации”.

Мне хочется разобраться еще в одном. Правда ли, что любовь можно заслужить? Судя по моему опыту – нет. Но мне нужно понять, точно ли это. Воскресить в памяти все время, что прожила с Антоном... И даже если будет больно – осознать для себя правду. Я уже отошла от ситуации на порядочное состояние, но эмоции все еще захлестывают меня. Я не объективна.

Жизнь в деревне, простая, лишенная лоска и огромного количества условностей, – вот что мне нужно.

А дальше... Дальше разберусь. Не маленькая же.

Ближе к ночи мне становится не по себе. Новое жилище, пусть и небольшое, кажется мне чужим и пустым. Тишина звенит в ушах, ощущается угрожающе.

Страх проникает в душу.

Не понимаю, откуда он взялся и почему его не было, когда я приехала к Алексею, осталась жить у него. Будто все моё естество не различило никакой угрозы от этого человека тогда. А сейчас боится...

“Просто я знала, что не одна в доме. А сейчас внезапно открывшееся одиночество... Оно давит”.

В отчаянии быстрыми резкими движениями стелю себе постель на небольшой кровати. Белье, взятое в комод, пахнет порошком, что немного успокаивает.

Подхожу к окнам. Деревня, еще полностью не скрытая темнотой, кажется беззащитной перед дождем, который мгновенно разражается и поливает, не щадя землю. Тяжелые сизые тучи, нависшие над маленькими домиками, небрежно разбросанными, кажется, сейчас упадут на землю, не справившись со своей тяжестью.

Быстро задерживаю небольшие шторы на окнах и ныряю под теплое стеганое одеяло. Закрываю глаза, съеживаюсь и стараюсь уснуть.

“Завтра будет тяжелый день. Завтра будет тяжелый...”

Подскакиваю от грохота. Пару мгновений хватает, чтобы понять, что это не гром, а шум от стука в деревянную дверь. С досадой и невольным страхом вспоминаю, что забыла за-

крыть чертову калитку, ведущую во двор!

“А вдруг это кто-то из дружков хозяина? Он, кажется, любитель выпить... Боже, что же делать? Выйти и сказать, что уехал?”

Холодок бежит по позвоночнику, но я, пересилив себя, осторожно поднимаюсь и подхожу к двери.

– Кто там? – собственный голос кажется тонким и жалким.

– Леди, это я, – слышу знакомый голос и едва слышно облегченно выдыхаю. – Ты не закрыла калитку... И это... Я тебе принес одеяло. Ночи здесь холодные.

Открываю дверь. Алексей стоит, весь промокший, держит сумку с одеялом.

– Зонтик не думали взять?

Холодный ветер щекочет ноги и я тяну Алексея к себе, закрывая за собой дверь.

– Я торопился...

– Да и печка у меня есть. Ты же сам научил...

– Увидел, что калитку не закрыла, – перебивает меня Алексей, пихая в руки сумку и проходя дальше, по-хозяйски скользя взглядом по внутренней обстановке жилья, которая успела немного преобразиться моими стараниями.

– Снимай, пожалуйста, обувь, – выразительно смотрю на него, а Алексей, чертыхнувшись, все же разувается:

– Прости-прости... Обязательно закрывай калитку. Дверь в дом можешь просто захлопнуть. Я сейчас проверю печку...

Вообще, ее тоже лучше на ночь не оставлять. А то мало ли...
— он склоняется к ней, а я неожиданно для самой себя спрашиваю:

— Зачем все это?

— Что? — оглядывается Алексей.

— Ну... все это. Так беспокоишься обо мне. Пришел проверить, все ли хорошо. Одеяло принес. Заступился за меня перед хозяином дома...

— Он хотел тебя надурить. Не люблю такое. А остальное...

— Алексей отводит взгляд, его голос звучит резче, чем ранее:

— Чувствую, что ли, ответственность за тебя? Такая молодая и несмышленная девчонка... Жизни еще не знаешь.

Складываю руки на груди.

“Много ты понимаешь...”

Должна чувствовать себя оскорбленной, но почему-то в груди разливается предательское тепло. Антон никогда не говорил, что чувствует за меня ответственность.

“Не нужно очаровываться...”

— Я ответил на все твои вопросы? — насмешливо интересуется Алексей.

Молча киваю.

— С печкой все в порядке. Ложись спать, завтра трудный день. А я пошел.

Он обувается и проходит к двери, оставляя меня смотреть ему вслед. Как там было сказано? “Молодая и несмышленная”? Такой глупый...

– Доброй ночи, – выразительно смотрит на меня. – Я сам калитку закрою, знаю, как крючок подцепить... А ты не выходи под дождь, простудишься.

Молча киваю, а затем едва слышно отвечаю:

– Спасибо... За все.

Алексей ничего не говорит. Лишь пару мгновений буравит меня странным тяжелым взглядом, от которого внезапно бросает в дрожь. Вцепившись в дверь, почти прячусь за ней от этих пронзительных глаз.

– До завтра, – медленно произносит он и выходит под дождь. А я смотрю ему вслед и не могу оторваться.

А в голове так и вертится: “что это было?”

Следующее утро приносит мне головную боль. Мало того, что я толком не спала, силясь разгадать поведение Алексея, так еще рано встала.

Пока прихорашивалась и завтракала, время подошло к тому моменту, когда нужно было идти в магазин.

Оглядываю себя последним взглядом перед выходом. Черные волосы до поясницы заплела в косу, в сумочке нашла тушь для ресниц и блеск для губ. Подкрасилась: не слишком ярко, но так, чтобы выглядеть мило и ухоженно.

Прикладываю руку к груди. Там быстро бьётся сердце. Можно сколько угодно обманывать себя, но я слишком устала делать это. Вначале внушала себе, что происходящее в моей жизни – верно, затем – что Антон меня любит... А по-

сле оказалась у разбитого корыта.

Поджимаю губы.

Хватит. Нужно жить дальше. И уже, наконец, признать, что мне льстит внимание Алексея. Он хоть и неотесанный мужлан, но выглядит интересно...

Яркий румянец жжёт щеки. Я торопливо отворачиваюсь и выхожу из дома.

– Ну что, хозяйюшка, принимай товар! – добродушно гремит голос, от которого я чуть не подпрыгиваю до потолка. С самого утра народ словно взбесился: едва я подошла к магазину, так меня уже ждала очередь из пяти недружелюбно настроенных старушек. От них я узнала про себя такое... Стыдно даже произносить. Но с этим испытанием мне удалось справиться.

А теперь, спустя полтора часа, в магазин заходит мужчина огромных размеров. Ухмыляется:

– До меня дошли слухи, что прежняя продавщица в больничке... Туда ей, старой ведьме, и дорога... Что же, хозяйка, как тебя зовут? Такое прелестное личико впервые в нашем захолустье вижу!

– Я бы предпочла, чтобы вы первым представились, – холодно отвечаю ему. Мне не нравится его вольготная поза, наглый взгляд, ощупывающий меня, да и нелестное упоминание прежней продавщицы не слишком радует.

– Вот это напор! Люблю таких, как ты... Максим Черепан-

нов к твоим услугам, сияющее создание! Яйца привез.

“У Черепанова ничего не брать...” – вспоминаю слова хозяина. Растягиваю губы в улыбке:

– Меня зовут Соня. Очень приятно... – говорить ему “давай сюда свои яйца” язык не поворачивается, поэтому я проглатываю эту фразу и произношу совсем другое: – Жду товар и накладную.

– Вот это по-нашему! – скалится Максим. – Одним мигом обернусь!

Он выходит из магазина, оставляя меня наедине со своими мрачными мыслями. Как отказать этому здоровяку? Держу пари, он может быть весьма агрессивным... Но и не последовать словам хозяина магазина тоже не могу.

“Как бы не влипнуть в неприятности...”

Вытираю мокрые ладони о сменный халат. По спине бежит холодок. А Максим тем временем приволакивает мне товар. Учувя неприятный запах тухлятины, я отшатываюсь и прикрываю нос:

– Что это...

– А, это... Ты не обращай внимания, чутка подпортились они... – чешет затылок Максим. – Знаешь как сделай? В каждый десяток по одному испорченному добавь, никто ничего не заметит! И вреда большого не будет! Чуешь, о чем я?

– Вы сошли с ума? – медленно спрашиваю я. Ярость разгорается во мне с моментальной скоростью. В ней исчезает даже страх перед этим амбалом.

– Я не буду продавать это! От яиц за милую несёт тухлятиной!

Его лицо багровеет и искажается:

– Ты чё, курица, совсем охренела? Ты как разговариваешь с уважаемым человеком?!

– Ты, что ли, уважаемый? – рычу я зло.

– Ах ты... Без году неделю работаешь здесь! Стоит мне сказать пару слов, как вылетишь отсюда, шалава пустоголовая!..

– Что здесь происходит? – вкрадчивый угрожающий голос Алексея прерывает нашу перепалку.

Алексей медленно проходит вглубь магазина. Взгляд исподлобья, плечи расправлены, руки сжаты в кулаки. На губах хищная угрожающая улыбка.

– Это ты сейчас кому сказал?

– Лех, ты че, за эту курицу заступаешься?! Она же...

Договорить Максим не успевает. Алексей, выше его на полголовы, хватает за шкуру, как нашкодившего котёнка, и выкидывает на улицу. Спустя мгновение я слышу, как Максим матерится и завывает от боли. Алексей же резко кидает мне:

– Не выходи на улицу. Я разберусь и приду.

Прижав руки к груди, молча киваю ему. Сердце бьётся где-то в горле, щеки горят смущением.

За меня никто никогда не заступался. Даже Антон, которого, как мне казалось, я любила. Да и поводов в заступни-

честве, если честно, не было. Кто пристанет к светской львице? Лишь незадачливый поклонник, но я всегда благосклонно принимала любые комплименты, впрочем, не воспринимая их всерьёз.

Осторожно присаживаюсь на краешек покосившейся табуретки.

Мне нравится. Нравится эта грубая сила, которая исходит из Алексея. Его взгляд, сильные руки, низкий голос с рычащими нотками...

"Интересно, какой он в постели? Боже, о чем я думаю!"

Хлопаю себя по щекам, пытаюсь успокоиться. Тщетно. Сердце бьётся, словно пойманная в клетку птица. Облизываю пересохшие губы, ощущая, как сладкое желание расплывается внизу живота.

Вскакиваю с табуретки и бегу в маленькую подсобку, где стоит небольшой чайник с чашкой. Наливаю себе воды и жадно глотаю воду, надеясь потушить внутренний пожар.

Кажется, помогает. Потому что через пару минут выхожу в магазин, чувствуя себя более спокойной.

– Больше он тебя не потревожит, – Алексей входит в магазин, вытирает пот со лба и с досадой морщится: – Вечно ты к себе неприятности притягиваешь, леди.

– А где... он? – робко интересуюсь я.

– Ушел. А что? Можешь пойти догнать, – вызывающе ухмыляется он. – Дай-ка водички мне, упарился я его уговаривать...

– И зачем вам это нужно... – бормочу, направляясь в подсобку, пропуская его злые слова про “догнать”. Не хочу злить и так распаленного дракой Алексея.

Подношу ему воду, он пьет так жадно, что капли воды сползают по густой щетине, по шее. Невольно сглатываю, наблюдая за этим.

“Ни манер, ни совести... Так себя ведет! Неандерталец!”

Пuls снова зашкаливает. И когда Алексей передает мне пустой стакан, наши пальцы соприкасаются. Меня будто током бьет, и я одергиваю руку. Стакан падает на пол.

– Вот ведь неуклюжая... – доносится до меня как из тумана его раздосадованный голос. – Неси веник! Подмету сам, не то поранишься...

Бреду за веником, чувствуя прожигающий взгляд на пояснице и ниже... Там, куда в приличном обществе мужчинам смотреть не принято. Но приличное общество осталось в пределах недосягаемости, и я сама себя оттуда изгнала.

Тихо усмехаюсь себе под нос. Видели бы родители, как низко пала их дочь! Устроилась на работу в сельский магазин, живу у чёрта на куличиках в настоящей халупе, а вокруг меня увиваются лишь деревенщины, тунеядцы да пьяницы.

Интересно, сам Алексей к какому типу из них относится? Статный, но целыми днями лоботрясничает. Спиртным, вроде, от него не пахнет, а там как знать... Может, запойный, а сейчас – в стойкой ремиссии?

Протягиваю ему веник и невольно приглядываюсь. Он

хмыкает.

– Чего не так, леди?

– Да вот... Подумалось вдруг, чего это вы целыми днями без дела маетесь? Безработный, али как?

– Так это мы вроде сразу выяснили, – широко улыбается он. – Безработный лодырь, тунеядец. Зато весь к вашим услугам.

Он отвечает шутливый реверанс, начинает подметать осколки.

– А если серьёзно? – предпринимаю ещё одну попытку.

– А если серьёзно: то тут надо помочь, то там... Вот и хожу, помогаю. А если бы не ходил и не помогал, то ты бы, леди, уже бы тут пропала.

Он подмигивает мне, козыряет двумя пальцами, возвращаясь к своему занятию.

“Клоун и самодур, – думается мне. – Но такой обаятельный гад”.

Даже немного обидно, что относится к той категории мужчин, с которыми лучше не связываться. Ненадёжный, легкомысленный, возможно, даже ветреный. Даже думать о нём не стоит. Не то, что представлять его в одной постели с собой.

Последняя мыслишка заставляет поперхнуться, и Алексей поднимает на меня свой пронизательный взгляд. Словно точно знает, о чём я думаю, чего представляю.

– Все нормально? – встревоженно хмурится Алексей.

– Да-да... Ты прости, но мне работать нужно, – отхожу

от него. И словно во спасенье в магазин заходят посетители. Косятся на Алексея, который невозмутимо подметает разбитое стекло, затем переводят взгляды на меня.

– Чего желаете? – натягиваю на лицо дежурную улыбку. Краем глаза вижу, что Алексей по-хозяйски заходит в подсобку, выкидывает мусор и ставит на место веник.

Покупатели заказывают товары, и я, отвлекшись на их нужды, забываю про Алексея и смятение, которое он вызывает в моей душе.

Спустя несколько часов выхожу из магазина. Не буду лукавить: я испытываю облегчение, находясь в одиночестве. Присутствие Алексея смущает.

Этот человек заставляет мое сердце биться быстрее. Трепетать, нервничать, краснеть и оглядываться, пытаюсь поймать его взгляд. Эти эмоции будоражат меня и в то же время пугают. Они совершенно некстати, я не желаю ощущать их.

Выйдя из магазина, я останавливаюсь ненадолго, чтобы полюбоваться природой и подышать свежим воздухом. Ведь всё забывается в переживаниях. Исчезает. А теперь, когда я остановилась в этой деревушке, то сама ощущаю, что время в ней тоже будто замерло.

Вдали виднеется лес. Не успеваю подумать, зачем я это делаю, но уже направляюсь туда.

Из-за недавнего дождя дорогу немного развезло. Сизые тучи нависли над лесом и, кажется, будто скоро лопнут под напором своего веса. Ветра нет. Совсем. Будто перед страш-

ным ливнем. Затишье перед бурей.

Мне бы идти домой, ан нет, словно чёрт несёт куда-то, где могут настигнуть неприятности.

Вот и лес передо мной. С высоких деревьев уже начала потихоньку облетать листва.

“Дальше идти нельзя...”

Кажется, заберись я еще чутка поглубже в чащу, то не выберусь назад, погибну где-то в непролазном сумраке леса.

Здесь холодно, промозгло и тихо. Настолько, что я вздрагиваю, когда слышу позади себя шаги.

Мороз прокатывается по коже, и я резко оборачиваюсь.

– Э-это ты!.. Как же напугал меня!

– Снова тебя непонятно куда несёт, – хмуро откликается Алексей.

– Зачем пошёл за мной?

– А если б ты пропала тут? Лес такое место... Здесь и потеряться можно. И болот много. Шагнешь неверно – и утащит за собой. А ещё волки, лисы и даже кабаны водятся. Чего здесь хорошего? – он подходит совсем близко, смотрит сверху вниз, и мне кажется, будто чья-то горячая рука мягко, но надёжно сжимает сердце.

Не могу ничего ответить ему. Потому что Алексей прав. Молчание становится вязким, неудобным, и я вновь спрашиваю, пытаюсь заполнить ее хотя бы чем-то:

– Зачем пошёл за мной?

– Да что ты заладила? – горячее дыхание обдувает мне

щеку. – Пошел и пошел. Тебе-то что?

– Почему грубый такой? – едва слышно спрашиваю, смотря куда-то в сторону. Все равно куда, лишь бы не глядеть в огненную пропасть его взгляда. Пытаюсь отойти, но Алексей мягко и аккуратно притягивает меня к себе ближе.

– Слишком много вопросов задаешь...

– Что ты себе позволяешь?.. – вяло лепечу я, пытаюсь сбросить его руку с талии.

– Позади тебя начинается грязь. Упала бы, запачкалась. А одежда запасная есть? – тем не менее руку он не спешит убирать.

– Нет...

– Надо бы купить на рынке... Тебе об этом думать нужно, а не мотаться по лесам... Чудная девчонка... – хрипло шепчет он, притягивая меня ближе.

Затаив дыхание, упираюсь руками ему в грудь, но почему-то не отталкиваю. Сердце бьётся, кажется, где-то в горле, ноги дрожат...

У меня такого даже с Антоном не было.

Прикрываю глаза, ожидая от него... чего? Страшусь ответа, страшусь его действий, но замираю словно жертва перед хищником.

Но Алексей не шевелится. Тонкое чувство разочарования колет сердце, и я распахиваю глаза.

– Что такое?

– Не шевелись, – цедит он, глядя куда-то мимо меня.

Тут же напряжусь в его руках, застываю ледяной глыбой. Страх сжимает горло.

– Что-то... что-то позади меня, да?

– Не шевелись, говорю, балда... – осторожно берет меня за руку. – На счет три быстро бежим. Ты не оглядываешься, ничего не спрашиваешь. Понятно?

– Да, – пишу, трясясь от страха.

Алексей смотрит на меня с теплой насмешкой:

– Не бойсь, все будет пучком. Раз, два...

Подбираюсь, слыша за спиной угрожающий топот и негромкое низкое хрюканье.

– ... три! – рывкает Алексей.

В ту же минуту, как мы срываемся с места, разражается ливень. Мы с Алексеем бежим, не разбирая дороги, грязь хлупает у меня под ногами, одежда промокла! Мне страшно и почему-то очень весело. Смех вырывается наружу, я отчаянно хохочу, с облегчением понимая, что не слышу, чтобы животное нас преследовало.

Мы быстро оказываемся около дома Алексея. Он тянет меня за руку. И когда за мной захлопывается калитка, толкает меня к ней, нависает угрожающе. По его лицу льется вода, брови нахмурены, он тяжело дышит:

– Сумасшедшая! Это был кабан! Больше никогда не ходи в лес, поняла меня?

Я тихо смеюсь, отчего Алексей, кажется, свирепеет еще больше:

– Смешно?.. Тебе смешно, черт побери?

Сильные руки сжимаются на моих плечах... Я опускаю взгляд. Одежда облепила его мощный торс. Я вижу, как волосы на его руках стоят дыбом, и почему-то мне хочется погладить его по рукам. Прижаться к нему, в полной мере ощущая его силу. Вновь почувствовать себя беззащитной перед ним.

Прикусываю губу и поднимаю взгляд на Алексея. Он, кажется, что-то понимает. Тяжелое дыхание срывается с его губ, и он сильнее прижимается ко мне.

Дождь льет как из ведра. Мы с Алексеем застываем, почти слившись в объятии.

– Леди, что ты делаешь?.. – срывается с его губ отчаянное.

“Если бы я только знала, что делаю. Если бы только знала...”

Глава 5

Алексей

На мгновение прикрываю глаза, чтобы сбросить с себя оковы наваждения. Между нами сквозит напряжение, искрит наэлектризованный воздух. Того и гляди соприкоснётся с потоками воды, хлещущей с неба, и хорошенько шандарахнет током.

Интересно, это убьёт меня? Да какая, к чёрту, разница, если сейчас убивает неведение? Убивает желание попробовать на вкус её губы, прижать к себе хрупкое тело, подмять под себя...

Всё начиналось как невинная шалость, но так быстро выходит из-под моего контроля. Я ведь и не планировал ничего такого. Всего-то хотел подразнить немного несносную чопорную девицу, что непроизвольно кривит мордашку, чуть что не по её разумению.

Соня. Софья Яковлевна Богданова. Так гласит надпись в её паспорте. Конечно, в него я заглянул первым делом. В такое время живём. Да и должность обязывает присматривать за местными и приезжими. Особенно, за приезжими.

С первого взгляда Софья не показалась мне подозрительной. Обычная городская штучка, которую за каким-то лешим занесло в нашу богом забытую глушь. Это потом я хорошенько разглядел: чума свалилась на мою голову. В женском

обличии. В сексуальном, крышесносном, зубодробительном обличии.

Чума сулила проблемы личного характера и головную боль. И если с личным всё было довольно очевидно, то с головняком оказалось полной неожиданностью. Ведь когда из главка мне прислали ориентировку на пропавшую Софью Яковлевну Богданову, которая мирно посапывала на моей кровати, я, признаться, даже ошалел малость.

Тогда и полез во всемирную паутину, чтоб её. Милейшая Соня оказалась дочерью известнейшего пластического хирурга и – вот так сюрприз! – женой не менее известного хирурга, а ещё светской львицей, основательницей благотворительного фонда, идеальной со всех ракурсов на многочисленных фото. Такую ценность скрывать тихо не получилось бы.

Поэтому я доложил вышестоящему руководству, что прибилась пропажа именно на мой участок. И получил ЦУ: беречь как зеницу ока да глаз с неё не спускать. А коли хоть волосок упадёт с её бесценной головы, то не сносить мне моей собственной, фигурально выражаясь.

Вот я и присматривал. Да и присматривался.

Уж не знаю, от чего она бежала, от каких проблем решила тут затаиться, безусловно, не навсегда. Это единственное, что мне доподлинно известно наперёд: когда придёт время, она покинет это село и вернётся без сожалений в свою красивую жизнь. К обеспеченному мужу. К отцу. А потому и ни

о каком личном интересе к ней не может быть и речи.

Но вопреки всякой логике, зародившись где-то в глубине моего нутра, мужской интерес к этой особе тлел, подобно маленькому угольку, вполне способный как потухнуть, так и разгореться в безумное пламя. И все мои попытки его утомить разбивались о прозу жизни.

Из всех особ женского пола меня неумолимо тянуло лишь к одной. К недоступной Соне. К чужой жене. К орешку, который был мне явно не по зубам.

И сейчас, стоя так близко к ней, сжимая ручищами худые плечи девушки, я на грани. На волоске от совершения своей самой большой ошибки.

И Соня мне ничуть не помогает устоять.

Закусывает пухлую губку и поднимает на меня просящий взгляд.

Она тоже чувствует это притяжение, я ощущаю это всеми фибрами души. Невозможное, неправильное, нездоровое. Мистическое даже. Нереальное.

Которому я не могу сопротивляться.

И даже если бы на меня сейчас нёсся разъярённый кабан, я не посмел бы отпрянуть, отвести взгляда...

– Леди, что ты делаешь?.. – выдыхаю ей в лицо.

Склоняюсь ниже...

– А-а-ап-чхи!

От неожиданности я вздрагиваю. Широко распахиваю глаза, уставившись на Софью. Она вся промокла и продрог-

ла. Дрожащие губы уже имеют чуть голубоватый оттенок.

Вид этой маленькой ледяной принцессы быстро сбивает меня с романтического настроения, и я хватаю Соню за руку и тяну в дом.

– Стой! Ты куда это меня ведёшь? – тихонько верещит она, едва поспевая за моими размашистыми шагами.

– Как куда? Нужно тебя поскорее согреть, пока не остыла.

– Так я живу во-о-он там, – протягивает она с сомнением.

– Во-о-он там, – передразниваю я, – никаких условий. А у меня есть и машинка с сушкой, и какая-никакая сменная одежда. Горячий душ примешь, чай с малиной попьёшь, завтра будешь как огурчик.

– Какой заботливый, вы только поглядите! – кричит она себе под нос, но сопротивляться перестаёт.

Стоит втащить её в тесный закуток коридора и включить свет, как Соня смущённо замолкает. Здесь мы снова непозволительно близко друг к другу, но больше я не предпринимаю попыток её поцеловать. Момент упущен безвозвратно. И это к лучшему. К лучшему же?..

Помогаю ей стянуть промокшее до нитки пальто, ставшее вмиг тяжёлым, и девушка напрягается.

– Не бойсь, – усмехаюсь я, хотя самому невесело. – Не трону.

Скидываю прямо на пол куртку – с ней я разберусь потом – и прохожу напрямик в спальню. Отыскиваю в шкафу пару

чистых полотенец, фланелевую рубашку и вязанные носки. И протягиваю одной стопкой притихшей гостье.

– Вот, держи. Всё чистое, практически не ношеное. Уж извиняй, леди, женских вещичек у меня не завалялось, поэтому как есть.

– Хорошо, спасибо, – тихо бросает она, избегая смотреть мне в глаза. Мнётся на месте, нерешительная, смешная. За руку отвожу её в ванную комнату и включаю там свет.

– Не справишься сама, я помогу, – говорю ей. И только потом понимаю, как это прозвучало. Слишком заманчиво. Слишком запретно.

– Думаю, справлюсь, – краснеет Соня, быстро юркает за дверь, хорошенько хлопнув ею перед моим лицом.

Слышу, как проворачивается замок, как тихо опускается дверная ручка, и ухмыляюсь. Переживает, значит?

– Ну-с, – протягиваю я. – Не буду тогда тебя беспокоить. Выходи, как будешь готова, пока сварганю что-нибудь пожевать.

Купается Софья долго, я успеваю заскучать. Подготовка не занимает много времени, к этому я вполне приспособленный. Уж, конечно, не как в привычных для неё ресторанах, но вполне сносный ужин: рис, курица, салат из огурцов и помидоров. Я даже щедро заливаю его ароматным маслом вместо привычного майонеза. Отыскиваю в навесном шкафу пачку невесть с каких пор завалявшуюся пачку затяжно-го печенья “Мария” к чаю. Да и завариваю свежий чай. Вот

и всё. Осталось лишь достать из холодильника банку малинового варенья...

Перебирая небольшие баночки, слышу тихие шаги босых ног. Скашиваю взгляд туда и зависаю.

Маленькие стопы с ухоженными пальчиками, красивый розовый лак на ногтях... Словно почуяв мой взгляд, Соня поджимает пальцы, и от этого вся кровь приливает к одному месту. К мгновенно восставшему естеству.

– Чего носки не надела? – рявкаю я.

– Колются сильно, – жалобно вздыхает Соня.

Закатываю глаза, возвращаясь к поиску варенья.

Всю бы её сейчас в него окунул. И сожрал бы.

Обсосал бы каждый миниатюрный пальчик, скулы, ключицы. Губы, наконец. Твёрдые как камушки соски...

В мыслях я уже готов опуститься лицом меж гостеприимно распахнутых бёдер.

– Вот же чёрт, твою мать, – выругиваюсь сквозь зубы. Каменный стояк совершенно некстати.

Надеясь на деликатность и воспитание своей гостьи, всё же медленно поворачиваюсь и иду к столу. С грохотом ставлю банку с вареньем, поворачиваюсь к Софье, говоря:

– Ну и чего застыла? Давай к столу.

И тут же давлюсь концовкой фразы. Ведь Соня смотрит прицельно на мой пах. Прямо на готовый взорваться от неё болт.

– Я... эм... да, наверное, да... – невпопад роняет она,

тяжело сглатывая. Часто вздымающаяся грудь с торчащими сосками выдаёт волнение и просто восхитительно смотрится в моей клетчатой рубашке. Сорвал бы прямо сейчас, желательно, немедленно. От осознания, что под рубашкой она абсолютно голенькая, меня штормит, словно пьяного.

В три шага дохожу до Сони, словно хищник, бросившийся к застывшей добыче.

К чёрту! Если я не поцелую её в самое ближайшее время, у меня случится инфаркт, к чёртовой матери!

Твёрдо уверенный в своём решении, точно зная, что ничто не заставит меня передумать и отказаться от желания вкусить её пухлые губы и всё остальное, хватаю её за плечи и резко тяну на себя.

И в это самое мгновение сквозь звенящее в ушах напряжение слышу громкий стук в дверь.

Чтоб тебя!

– Кажется, там стучат, – нервно выдыхает мне в лицо Софья.

– О, да ты, Леди, просто капитан очевидность! – закрываю глаза, но открывать всё же иду.

Готовый оторвать башку внезапному визитёру, я испытываю досадливое чувство неисполненного желания. В очередной раз.

Может, это знаки судьбы, которая просто кричит, что мне это всё вовсе ни к чему? Не стоит целовать эти губы, трогать это тело и уж тем более – вторгаться в вожаемое лоно?

С досадой потираю лицо и распахиваю дверь. Надежда. Почему-то я даже не удивлён при виде её.

Появление женщины тоже чудится мне знаком судьбы. Насмешкой. Дескать, уж её то, в отличие от Софьи, я могу заполучить запросто: и свободная, и без этого социального неравенства, и явно готова отвечать взаимностью. Только вот такая штука – мне она совершенно безынтересна. Не тянет меня к ней ни физически, ни духовно.

– Чего тебе? – спрашиваю весьма невежливо.

Чуть поморщившись, она торопливо говорит:

– Сенька, падла, опять наклюкался до синих чертей, гоняется за Валькой с топором.

– Вот же... чёрт... – выругиваюсь сквозь зубы.

– Что-то случилось? – раздаётся за спиной тихий голос Софьи.

Надежда переводит взгляд на мою гостью. Её глаза презрительно сужаются. Не надо быть шибко умным, чтобы понимать, какие слухи совсем скоро поползут по селу: в моём доме расхаживает заезжая девица в моей же рубашке!..

– Секунду, Надь, и пойдём, – вздыхаю я. Поворачиваюсь к Софье. – Соня, мне отойти по делам нужно, ты ужинай без меня. И обязательно выпей чаю с малиной, после дождя самое оно.

– Ты надолго? Может, я лучше дождусь...

– Алексей, нам нужно идти, – торопит Надежда.

– Не уверен, как скоро получится разобраться с делами, –

отвечаю туманно Софье. – Лучше не жди, ужинай и отдыхай.

Она недовольно поджимает губы, но не перечит. На этом я считаю разговор оконченным, сую ноги в сухие ботинки, накидываю тулуп.

– Сонь, могу я кое о чём попросить?..

– Да?

– Не покидай, пожалуйста, дом. – говорю ей серьёзно. – Довольно приключений на сегодня.

Она вспыхивает:

– И не собиралась!

– Ну и чудесно. Тогда я пошёл.

– Пфф, иди-иди уже по своим делам! – фыркает она. Резко разворачивается на пятках, так, что рубашечка на краткий миг чуть приоткрывает мне вид на роскошные подтянутые ягодички. Хочется зашипеть, как лопнувший шарик, но я прикусываю губу. Ни к чему Надьке становится свидетельницей моих эмоций.

Стоит нам отдалиться от калитки, Надежда спрашивает:

– Разве Софья не перебралась от вас в другой дом?

– Не припоминаю, когда это стал обязан отчитываться перед кем-либо в том, кто и как часто гостит в моём доме, – скептически отвечаю ей.

– Простите, Алексей. Не смогла сдержать любопытства. – раздражённо бросает Надежда.

– Ступай домой, Надежда. Я найду Валентину и Семёна

и всё решу.

– Может, ей понадобится помощь?..

– Ай, ладно, времени спорить нет, нужно поскорее скрутить Михайлова, пока не начудил! – отмахиваюсь я.

Пока прочёсываю тёмные улочки, Надежда следует за мной по пятам, впрочем, больше не предпринимая попыток завести беседу. Это к лучшему. Обсуждать с ней, по большому счёту, мне нечего. Да и ни к чему.

Зато сам с собой я продолжаю вести мысленный диалог, потому что не могу понять, как поступить правильно. Всё во мне вопит о том, что я должен держаться от Софьи как можно дальше, но идти вопреки своему желанию не кажется мне правильным.

Это не имеет ничего общего ни с банальной логикой, ни со здравым смыслом, но слепо последовать своим желаниям и связаться с заведомо замужней женщиной, которой нужна сельская жизнь как корове пятая нога, кажется мне отличной идеей. А потому доводит до белого каления, раздражительно пульсируя где-то в мозгу.

От этих надоедливых раздумий меня отвлекает истощный женский крик, донёсшийся откуда-то с окраины леса, и я бросаюсь со всех ног на него.

Безошибочно определяю приблизительное местонахождение Валентины и вскоре вижу их с мужем.

– Изменяла, гадина?! – кричит Сенька, нависая над повалившейся женой.

Она рыдает и вопит:

– Допился, чёрт! Снова допился! Да с кем я тебе всё изменяю, ты скажи? Всю душу мне вымотал, гад... Вот помяни моё слово – завтра же на развод подам!...

– Чтобы с любовничком своим спокойно крутить шуры-муры? Ах, ты, проשמандовка! Говорила мне мама: не женись на Вальке, попортит она тебе жизнь...

– Да лучше бы твоя мамаша тебе говорила, чтобы ты бухать не начинал! Тоже мне, воспитательница херова нашла!

– Да я тебе за маму!.. – прикрикивает Сенька, замахиваясь топором.

– А ну-ка стоять! – кричу я, ускоряясь. Налетаю на мужика, вышибая топор из его руки.

Тут и Надежда поспевает, помогает подняться с земли Вальке.

Мельком изучаю её на предмет повреждений и возвращаю взгляд к буравящему меня косыми глазами Семёну Михайлову.

– О, а ты кто? – тупо спрашивает он. – Любовничек Валькин чтоль?

Встряхиваю его за шкварник, приводя в чувства.

– Смотри, Семён. На меня внимательно смотри, – велю ему. – Узнаёшь?

– У-знаю, – икая, блеет он. – Участковый наш.

– Правильно говоришь, – хвалю его. – Я тебя, Семён, пре-

дупреждал, что в следующий раз на трое суток закрою?

– Предупреждал, – кивает он.

– Ну вот допрыгался ты, Семён.

Валентина начинает голосить:

– Ой, Алексей Викторович, не губите Сеньку! Он дурной у меня, знаете ведь, но отходчивый. Проспится, завтра встанет на работу, как ни в чём не бывало. А если же вы его закроете, то его с работы погонят, фермер не терпит прогулов.

– Ну уж нет, Валентина! Я своё слово держать привык – раз обещал, что в следующий раз закрою, значит, должен закрыть Семёна. В другой раз будет думать, стоит ли гонять с топором жену или лучше наклюкаться и тихо-мирно лечь спать!

Женщина вырывается из утешающих объятий Надежды.

– Алексей Викторович, ну пожалуйста, ему без работы никак, трое детей у нас, вы же знаете! Он же окончательно сопьётся! – умоляет меня Валентина. – Сень, ты скажи товарищу участковому, что пошутил просто, что игры у нас такие... ролевые...

С досадой сплёвываю под ноги:

– Игры... А мне потом что делать, ежели вы на болотах сгинете, как Ольга Барсукова?

Вопрос повисает в воздухе. Хотя исчезновение местной жительницы случилось ещё до моего перевода на этот участок, но напоминание об этом случае вмиг заставляет Валентину умерить пыл.

– Последний раз, Алексей Викторович. Честное слово. Завтра я с Сенькой поговорю на трезвую голову, всё ему объясню, больше ничего такого не повторится.

Качаю головой. Горбатого могила исправит. И как показывает практика, чаще всего в таких случаях – могила жены.

– Под вашу ответственность Валентина, – недовольный принятым решением отвечаю ей. – А сейчас – быстро по домам, чтобы в лесу никто не шлся. Я провожу.

Алкоголь окончательно подкашивает Семёна, поэтому мне приходится его буквально тащить до их дома. А там, конечно, помогаю закинуть его на койку. Жду, пока Валентина разденет мужа под аккомпанемент громкого храпа, разглядывая притихших деток мал мала меньше.

На прощание говорю женщине:

– Зря вы отказываетесь от ареста. Для профилактики.

– Нельзя ему без работы, никак нельзя. Так хоть она сдерживает. Лишится – вообще бухать без тормозов станет, что ещё тут делать?..

Я тяжело вздыхаю и тороплюсь распрощаться.

С удивлением вижу возле калитки Михайловых дожидующуюся меня Надежду, но виду не показываю.

– Ох, и устал я сегодня, Надь, – говорю ей, отсекая все возможные предложения. – Пойдём скорее по домам.

Она молча кивает, и мы в тишине возвращаемся на нашу улицу.

– Ну... До завтра, Алексей?

– До свидания, Надежда! – отвечаю, тут же теряя интерес. Ведь мой интерес тут же устремляется домой, где меня ждёт Соня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.